

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ой

25-го января 1929 г.
П Р А Г А

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

28

28

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го січня 1929 р.
П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 2-ий

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Борис Кундрюцков: На смерть М. А. Караулова.
 2. Владимир Поляков: * * * Стихи.
 3. Микола Оверкович: Бог войовників.
 4. Вадим Курганский: Как умирает Атаман.
 5. Ив. Егоров: В прошлом.
 6. Андрей Савицкий: Кубань родная.
 7. А. Персидсков: * * * Стихи.
 8. С. Савицкий: * * * Вірш.
-
9. По поводу годовщины провозглашения украинской самостоятельности.
 10. Новый Год: Старый Гейман.
 11. Инж. В. Бейсуг: О географическом положении Казачьих Земель.
 12. Т. Игнатович: Неотложная задача.
 13. Шамба Балинов: О чем заботятся руководители К. А. О.
 14. А. Стремянной: Из жизни красной армии.
 15. П. Нос: Восстание казаков ст. Новоминской.
 16. С. Макеев: Подслушанные разговоры.
 17. Думы и мысли Казачьи: Первый. Вл. Куртин. Дифференциация А. Сидоров:
 18. Из прошлого Казачества: Иностранцы о казаках. О. Лекса.
Когда ген. Богаевский был самостийником.
 19. Международная жизнь: На Востоке.
 20. В СССР: Новая политика или начало капитуляции? Антисемитизм в Совдепии.
 21. Казачья эмиграция.
 22. В Казачьих Землях.
 23. Библиография: С. Балыков о романе Шолохова.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Югославия. — А. Г. — Рассказ получен. Ответ — письмом. Привет!

Белград. — П. С. — Спасибо за откровенное письмо. Принято к сведению.

Югославия. — Г. А. — Присылайте дальнейший материал.

Прага. — А. Б. — На жаль, не підійде.

Белград. — В. К. — К сожалению, просите то, чего еще нет. Из этого номера Вы увидите, что История пока „очередная задача“. Впрочем, Вам может очень пригодиться „История Куб. Каз. Войска“ Ф. А. Щербини, к которому и нужно будет обратиться Вам непосредственно. Другого не только в библиотеках, но и вообще еще на свете нет.

Мысль, Вами задуманная, очень хороша. Пусть увенчается она наилучшим успехом!

Брюссель. — И. Е. — Ответ послан письмом.

Югославия. — М. З. — Все сделано. Выздоровляйте! Привет!

София. — П. Н. — Ответ послан письмом.

Босна. — А. Ч. — Подробный ответ будет послан. Привет!

Югославия. — А. М. — Спасибо!

Польша. — У. — Бажаємо успіху!

Румыния. — В. П. — Ответ послан. Материал получен. Привет!

Белград. — Б. К. — Так будет лучше. Привет!

Франция. — А. Д. — Исполнено.

Далмация. — В. К. — Присылайте. О другом — ответ будет письмом.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БОЛГАРИИ

П. В. Нос.

София. Антим I, 75.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков.

Београд, Кочина ул., 1.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров.

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs. 13
Rue Bonaparte, Paris VI.

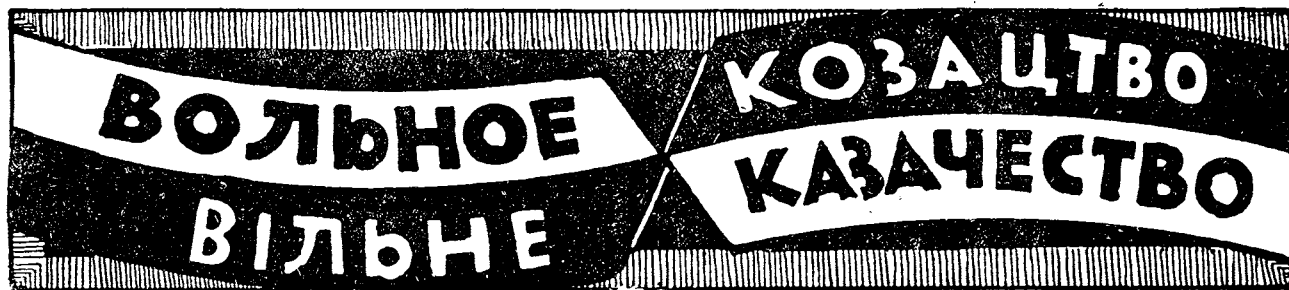
В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин
F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Розыски.

Алексей Мих. Гузий просит отозваться казаков ст. Новолеушковской и Брюховецкой по адресу:

Bulgarie. Пловдив. Бюро „Вяча“.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 28

Прага, пятница 25-го января 1929 г.

№ 28

Борис Кундрюцков.
(Белград).

*На смерть Терского Войскового
Атамана М. А. Караулова и погиб-
шим казакам.*

Как пули бешено впивались в грудь живую...
Не дрогнула злодейская рука,
И злоба прокричала: торжествую! —
Но умерла в усмешке казака.
Пусть жизнь прервалась. Заветы Атамана
Ни пули, ни проклятья не сотрут:
Они среди преступного тумана
Огни другим, достойнейшим зажгут...
Утраты так печальны бесконечно...
Еще один казак за Волю заплатил.
За ним пойдём с улыбкой и беспечно,
Ни жизни не жалея, и ни сил.
Мы все дадим Казачьему Народу.
Герои-мученики будут впереди, —
То — Чести маяки! Во мглу и непогоду
Нам светят наши мертвые вожди.

Владимир Поляков.
(Брно).

* * *

Здесь, средь чужих мне ущелий и гор,
Нет ничего, что бы тешило взор,
Взор, привыкший к степному простору, —
Эх! кто-ж поможет казачьему горю!
Кто горю поможет, развеет кручину:
Кто пожалеет меня сиротину? —
В степи-б полынныя, в степи раздольные!
Песни бы петь там удалые, вольные!
Там бы летать на степном скакуне;
Слушать — как ветер поет в ковыле;
Жадною грудью пить воздух степной
Странно миражный в дали голубой.
Воздух миражный играет, струится...
Конь мой ушами прядет, горячится...
На солнце дрожит серебристая пыль:
Волнуется море седое — ковыль...
Ветер горячий, так знойно полынный;
Сердцу так милый ковыль серебро-пыльный.
Туда бы скорей! В степном том просторе
Развеять, забыть наболевшее горе.

Микола Оверкович.
(Прага).

БОГ ВОЙОВНИКІВ.

Наш бог — бог гніву і громів,
Олтар наш — поле бою,
Молитва наша — спів сурми,
А дзвони: зброя в зброю.
В ярмі чужім ми довго йшли
І потом шлях росили,
А ззаду нас росли й росли
Непимщені могили.
В ганьбі ми зносили тягар
Чужинної опіки;
Протест наш на тяжкий удар
Був зойк лиш цілі віки...
Доволі! Хай умре любов,
Наш провідник безсилий.
Нехай веде на смерть і кров
Нас ангел огнекрилий.
Лишім жіноцтву обливать
Слізьми святі могили —
Ми будемо на них ковать
Нові мечі і стріли.
Не будемо прохати собі
В людей і неба долю —
У гromі, в бурі, в боротьбі
Ми викуємо волю.
Замість скигління і молитв,
Сумних зітхань і плачу,
Проллем в офіру богу битв
Ворожу кров гарячу.
І прийде день з святих руїн
Нам знов до бою стати...
Від нині бог наш — бог один:
Бог помсти і відплати.
За око — око, зуб — за зуб,
За муки — смерть і муки.
Наш шлях — бойовий шлях загуб:
Ми — зброєносців внуки.
Й наш бог — бог бурь і блискавиць
І храм наш — поле бою,
Молитва — гуркіт гаківниць
І дзвони: зброя в зброю!..

Вадим Курганский. (Белград).

Как умирает Атаман!..

(Посвящается светлой памяти М. А. Караулова).

Туманился хмурый зимний день... Порывисто набегал временами со степи ветер. В жидком тумане потонули серые, длинные строения станции. На белой доске, над входом, ряд черных, крупных букв — Прохладная. А под нею, на мокрой, скользкой платформе, на тускло поблескивающих, уходящих в туманную бесконечность путях, вокруг станции, далеко в степи — тысячная, волнующаяся толпа... Необозримое, пестрое море голов, озверелые, красные лица, распоясанные, грязные рубахи и шинели, штыки, винтовки, хриплые голоса и едкий, противный запах пота и алкоголя. Повисла в воздухе крепкая, площадная ругань и озлобленные выкрики...

Длинная, узкая полоса поезда растянулась вдоль станции — корабль среди бурного потока волнующихся человеческих тел. В окнах мелькали бледные, перепуганные лица пассажиров... Паровоз, выбрасывая тонкую, клубящуюся струйку пара, свистел пронзительно и настойчиво, угрожающе пыхтел, извергая клубы черного дыма и снопы искр. Машинист — бледный, закусив нижнюю губу, изо всех сил дергал рукоятку клапана, смотря вперед — на сплошь залитое людьми платно...

Но толпа не расступалась — страшная, грязная, отвратительная... Врезывались в туманный воздух злобные голоса:

„Шалишь, не пустим, мать... Не уйдешь, сволочь белогвардейская“!

В конце поезда особенно тесно сгрудилась человеческая масса, особенно громко и настойчиво звучали брань и оклики.

На ступеньках последнего вагона, — с каждой стороны — винтовки на перевес, стояло несколько человек — казаки.

Озлобленно гудящая толпа теснилась у самого вагона, под окнами, шныряла под вагоном, но казаки стояли с руками на затворах — спокойные, с хмурыми, напряженными лицами, глядя на колышущуюся, то приливающую с угрожающими криками, то отливающую массу.

В маленьком, тесном салоне вагона, за столом сидел, опустив голову, человек. Высокая, плотная, затаенная в черкеску фигура, широкие плечи. Спокойное, веснушчатое, с большим носом лицо чуть-чуть подернулось бледностью, но в глубоких, строгих глазах застыл огонек непоколебимой решимости. Спокойно попыхивая короткой трубкой, прислушивался к угрожающему реву за тонкими стенками вагона. За окном виднелась белая доска — черная надпись — Прохладная. В стеклянных дверях маячило перепуганное лицо начальника станции.

В глубоких, запавших глазах огонек решимости: ни шагу назад, вперед, только вперед!.. Всегда, всю жизнь — от детских лет до этого страшного мгновения... Моментами набегало сомнение — неужели же конец? Неужели же сейчас, вот сейчас — через пятьдесят минут?... Зачем же эти годы упорной работы, эти беспрестанные мысли о нем — о горячо любимом Казачестве...

Вагон вдруг качнулся, задрожал... Торжествующе усилился рев за стенками, уловило ухо отдельные грубые выкрики: „Отцепляй, отцепляй, товарищи!.. Катя!“

Загрохотали цепи, снова дрогнул, упруго закачался вагон и мягко покатился по рельсам. Поплыло мимо серое здание вокзала, с черно-белой надписью, с перекосенным лицом в дверях. В презрительную улыбку сложились губы сидевшего за столом человека... Где то пронзительно засвистал паровоз, невнятно прорвался сквозь жуткий гул грохот поезда... Вагон остановился... С обеих сторон расстилась голая степь, вдаль едва заметно пробивались сквозь мгlistую пелену строения станции, а вблизи колыхалась необозримая, страшная масса человеческих тел...

Дверь порывисто распахнулась... Человек невольно

вздрагнул и выпрямился... Что это?... Уже?... Нет — это он, Володя, брат... Бедняга, что приходится переживать ему!..

Те же широкие плечи, та же высокая фигура, то же веснушчатое лицо, только не презрительно-спокойное, а бледное, искаженное страхом и бессильной злобой... Вошел и тотчас же повалился, упал на стул, сжав руками голову, устремив полный отчаяния взгляд на сидевшего за столом.

— Михаил!.. болезненным стоном вырвалось из груди. — Они отцепили вагон!.. Спрячься, ради Бога, укройся куданибудь, — я скажу им, что ты бежал, направлю на ложный след... Ты успеешь скрыться, Миша!..

Сидевший за столом едва заметно повел плечами.

— Отцепили?... Что ж, тем лучше — не погибнут непричастные пассажиры!..

— Миша!.. умоляюще протянул вперед, заламывая, руки. — Не ради себя — ради Казачества!.. Ради Казачества, которое ты так любишь!..

Тонкие губы опять сложились в усмешку — неясную и скорбно-горькую.

— Казачество?... Да, люблю, люблю... всю жизнь, каждый шаг, каждая мысль — все для него... И сейчас — последняя мысль будет тоже о нем!.. Ты говоришь — бежать, Володя? Голос окреп, зазвучал сталью. — Ни шагу назад!.. Нет!.. Пусть никто никогда не скажет, что терский казак, атаман Караулов бежал перед бандой грязной св...!

Рокот и шум за стенками усилился. Вагон задрожал под натиском массы тел.

Михаил встал и спокойным, размеренным шагом прошел через салон в коридор.

Снаружи видно было, как мелькнула в окнах плотная фигура. Нечеловеческий рев пронесся над толпой, замелькали стиснутые в кулаки руки, штыки... Искаженные жаждой близкой крови лица надвинулись вплотную... Напирающая толпа сталкивала передних вниз, под колеса вагона... Стоявшие на подножках казаки нервно подняли, взяли на прицел винтовки, толпа попятилась, но вдруг, казаки обернулись, как бы на зов, и торопливо поднялись внутрь вагона. Плащадки опустели, оторопелая толпа недоуменно переглядывалась, не понимая, в чем дело. Невольно закопошились сомнения, подозрительность, толпа попятилась, очищая пространство вокруг вагона.

Снова щелкнули дверцы, появились казаки... Угрюмые, мрачные, еще ниже нахлобучив папахи еще плотнее завернувшись в бурки, спрыгивали они назем и гуськом, один за другим, не поднимая глаз, скользя в жидкой грязи быстро пошли прочь от вагона. Толпа на момент застыла в непонимании, затем вдруг стоголосый, радостный неистовый рев прорезал воздух и вагон снова задрожал от натиска... Казаки торопливо выбрались из раступающейся перед ними толпы и, не оборачиваясь, с'ежившись с головами, ушедшими в плечи, пошли в туманящуюся степь, все ускоряя шаги. Сзади оглушительно завывала тысячная толпа...

— Володя, тебя не тронут!.. Иди, пока не поздно — им нужен только я!

Руки Михаила лежали на вздрагивающих плечах брата.

Владимир порывисто вскочил, на бледном, без кровинки лице мелькнула злоба.

— Бежать мне?... Оставить тебя одного, сейчас?... Никогда... Да что — я!.. Я не смерти боюсь, Миша, — я простой офицер... Таких много у Казачества, но Михаил Караулов у него один!..

Вагон дрожал, в стенки били прикладами, от жуткого, нечеловеческого воя звенел воздух. Чувствовалось дыхание страшного, отвратительного зверя, ищущего жертву, чувствовалось кроважадное дыхание толпы...

— Миша!.. — снова почти простонал Владимир. — Миша зачем ты отпустил конвой?

— Көнвой, Володя? В своей жизни я волен, но в жизни других — нет!.. Разве они б могли помочь мне? Их горсточка, а тех — тысячи!

Умолк, не договорив, на полу-слове, точно какая то мысль внезапно схватила сознание... Тихо повторил еще раз:

— Нас — горсточка, а тех — тысячи... Тысячи!..

И, тряхнув головой, заговорил снова прежним, стальным голосом:

— Они б погибли напрасно... А потом, Володя... страшное время, страшная эпоха, страшные люди... Кровавое опьянение — пьяны все... Я не поручусь ни за кого сейчас, в это страшное время... Погибнуть от руки этой св... но вдруг представь себе... в отчаянии безысходности... вдруг... умереть от руки своего, от руки казака... — Нет!.. Нет!.. Нет, никогда!..

Порывисто отвернулся, закусил губу. Оглушительно зазвенело, разлетевшись вдребезги, стекло окна: в вагон с грохотом влетел, покотился по полу увеселенный бульжник. В зияющую пробоину ворвался оглушающий рев...

Дверь распахнулась, из коридора, с винтовкой ворвался рослый казак:

— Господин атаман! Да что ж это! Михаил Александрович!..

Удивленно повернул спокойное, веснучатое лицо атаман.

— Белоусов, вы почему здесь?.. Отчего не с конвоем?..

Я?.. Да Господь с вами!.. Что б я ушел, а вас стало быть тут покинул!.. Да что вы!..

Караулов шагнул вперед, крепко сжал руку казака, обнял. Владимир судорожно заломил руки. Послышались новые удары — ломились в дверцы вагона.

— Заперто?.. Ах, св... казачья!.. Да, чаво смотришь, товариши, — стреляй!.. Пуля наскрозь проймает!..

Толпа отхлынула. Зловеще защелкали в сразу воцарившейся тишине затворы.

— Хамы! — выкрикнул, кидаясь к окну, Белоусов. — Ах, шпана проклятая, Ваньки толсторожие, лапотники!..

— Михаил!.. отчаянным воплем вырвалось из груди Владимира.

Караулов порывисто обнял брата. Крепко-крепко поцеловал в губы и на момент острая жалость, стремление жить мелькнули в душе и тотчас же исчезли — ни шагу назад!..

Владимир, с искаженным лицом, тянул из кобуры револьвер. Снаружи прозвучал выстрел, пуля щелкнула в обшивку вагона и в след за тем непрерывный грохот выстрелов слился с усиливающимся ревом толпы.

Белоусов, не переставая ругаться, остреливался, едва успевая перезаряжать винтовку... Владимир, разрядив один револьвер, вытащил из кармана второй и, не целясь, стрелял в окна, закусив губу, с дикими блуждающими глазами.

Атаман спокойно набил потухшую трубку, чиркнул спичкой и пуская клубы дыма, подошел к разбитому окну и облокотился на раму.

Колыхались искаженные, кровожадные лица, дымилась стволы винтовок... Пули назойливо щелкали в стенки, проходя насквозь и жалобно свистя в вагоне... Когда в четырехугольнике окна вырисовалась плотная фигура с трубкой в зубах, рев еще усилился, выстрелы затрещали чаще.

— Да скройся же, спрячься по крайней мере! отчаянно крикнул Владимир, хватая брата за руку...

Властным, повелительным жестом отстранил его.

— Пусть видит эта св..., как умирает терский атаман!..

Властно, повелительно прозвучал стальной голос: — Проклятые!..

Владимир судорожно заметался по салону, опрокидывая стулья, разрывая на груди черкеску...

Презрительная усмешка лежала на губах атамана. Впереди, в тумане, — озверелые лица, опьяненные запахом крови, в ушах свист пуль, ругань, выкрики... „Так вот где конец жизни — в степи, на маленькой станции, среди родимого края, под пьяные выкрики озверелой банды...“ На момент в душе острым жалом скользнуло сожаление, что отпустил конвоем... Эх, ударить бы, ударить бы по казачьи, в шапки, на этот сброд... Разбегалась бы при первом столкновении трусливая банда...“ Грузно повалилось что то на пол рядом... Что это?..

Неужели ж это Володя, жизнерадостный Володя?..

И вдруг, что то резко толкнуло в грудь... Пошатнулся, судорожно цепляясь за раму, чтобы не упасть... В пальцы врезались острые осколки стекла — должно быть больно — но отчего же нет боли?.. Отчего так кружится голова, туман застилает глаза... туман... огненные круги.. искаженные лица и кровь... много крови...

Тяжело рухнуло на пол салона безжизненное тело атамана, рядом с трупом Владимира... Разметались по сторонам казачьи руки, загнутая трубка вывалилась из разжавшихся зубов...

Долго еще стреляли разъяренные солдаты, все больше пьянея от запаха крови и пороха, в замолкший, страшный вагон... И только когда вышли патроны, кто то хрипло закричал: „Товариши, на штурму!.. Ура!..“ и толпа с оглушительным воем хлынула к вагону...

Затрещали и вылетели железные двери; тесня, толкая друг-друга, ворвались внутрь, забывая узкий коридор и скоро одно за другим вылетели в окно три безжизненных, страшных тела... С радостным ревом набросилась на окровавленные трупы толпа, в каком то диком упоении сладострастного бешенства швыряя из стороны в сторону, разрывая на куски, топча ногами... Богохульственная, отвратительная ругань, хриплые вопли, какое-то завывание слились в один общий, страшный гул...

А в полуверсте от станции, приближаясь к ней по вязкой дороге, во весь карьер неслась казачья сотня... Бряцали винтовки, бились шапки о бока лошадей, брызги летели из под копыт... В тумане все яснее вырисовывались строения станции, мелькали нагайки, храпели, напрягая все силы, кони... Ближе, ближе... Судорожно сжимали руки рукоятки шашек, свистели нагайки — скорее!..

С размаху врезался в толпу первый налетевший конь... За ним, тщетно пытаясь сдержать бег, клином ворвались и остальные... С воплями ужаса, проклятиями и ругательствами раздвинулась толпа и открылся страшный, забрызганный кровью, в решето превратившийся вагон и три окровавленных человекоподобных безформенных тела около него...

Сдержанный вздох ужаса вырвался из сотен грудей, мозолистые руки снимали папаху, клали кресты... Ветер трепал густые волосы, туман, колыхаясь, полз по степи... Было холодно... Туманный зимний день догорал...

Ив. Егоров. (Брюссель).

В прошлом.

(Из записей нервного человека).

...Приходит это внезапно.

Подкатывается к глотке змеино-ядовитый горький комок боли, останавливается резко и, вонзив в мозг раскаленные иглы, душит. Судорожным усилием мускулов проглатываю комок, чтобы не утонуть в потоке слез, втягиваю шею в плечи так, что глаза заволаки-

ваются матово-красным туманом, умышленно коротко и хрипло кашляю, — но горло еще раздражено и больно от уколов игл.

А потом проходит. И довольно скоро. Голова не болит, но плачет душа.

— — —

...А иногда ни с того ни с сего, сразу, вдруг, вся моя суть захлестывается горькой тошнотой сердца.

Выврать бы с корнем высокий тополь, что ползет с края дороги в небо, и, сжав зубы, подмести все вокруг, чтоб сделалось пусто и чисто!

Или оторваться от самого себя и, стяхнув боль, обратиться к Богу с буйной молитвой;

Господи! ниспошли мне небесный огонь Твой, чтоб я раскалил в нем добела дикую ненависть к врагам моим и, погрузив ее в слезы и кровь, дал бы ей вечный стальной закал!

Обрати мои чувства в камень и умертви нервы, чтобы в момент упоительно-сладкой мести не дрогнула рука, и чтобы я спокойно вырвал у врага моего сердце и, разорвав его на части, бросил бы кровавые куски собакам!

Кому поведаю печаль мою?

Мне грустно. Я смотрел вечером на звезды, и они как-будто ласково подмигивали мне: „ничего“!

И я вспоминал:

...Те же звезды. Только небо чище и глубже. Степь. Зачарованные сады. Смешанный аромат травы и пыли.

Река. Густые заросли камышей и куги. Мокрый запах тины. Галдеж лягушек. Огонек на другом берегу. Черная тень лодки-плоскодонки, а в ней рыбалка. Глухо вбивает в дно кол. Для самолова что-ли — не знаю. И песня:

А я сяду на коня,
Шевельну уздой.
По степи помчуся я
Быстрою стрелою.

...Нет, звезды не те. Они обманывают. Как же „ничего“, если я бросаюсь в кровать и, чтобы заглушить стоны, впиваюсь зубами в подушку.

...Моя мансарда маленькая и душная. Наклонная плоскость срезанного потолка давит, как крышка гроба. Через квадратное стекло люка косым, мутным светом луна обливает пол и часть стены. Запах газа и сырости.

Гадко. Кто-то где-то под аккомпанимент расстроенного пианино с чувством поет:

Il a mis son smoking
Pour aller au dancing...

Меня это больно бьет по нервам.

...Часто, когда наступает ночь, и начинает болеть душа, в отрывках болезненно-туманных безкрылых дум мелькают расплывчатые образы прошлого.

И вспоминается.

Молодая, нежно-душистая любовь...

...Были на кургане за садами вдвоем. Я как раз тогда почувствовал, что пришла любовь. Нина стояла возле меня так близко, что опьяняющий цветочный аромат ее платья и тела дурманил мне мозг и опьянял кровь.

Прижать бы ее к себе, стройную, золотоволосую! Раздавить бы у себя на груди ее трепетно-молодую грудь! Кусаящим поцелунком впитаться в ее пухлые сочно-красные губы, слиться с ней в пламенном экстазе в одно целое и — умереть!

Или схватить ее, поднять вверх, понестись вниз, навстречу ветру, так чтобы захватило дыхание, и в шаловливо-диком вопле прокричать что-нибудь без смысла и значения.

Но это было только начало любви.

Остановив дыхание, с дрожью в голосе, я наклонил свое лицо к ее губам.

— Нина, можно вас поцеловать?

Она покраснела и дернула головой в сторону, пощекотав мне лицо душистыми волосами.

— Вот еще что!

Но не отбежала. И когда я перегнулся и воровским взглядом посмотрел на нее снизу, то увидел в глазах ее смех.

И тогда засмеялось все неудержимым смехом радости: далекое безоблачное небо, ветер, трава...

— Нина, побежим вниз?!

— Побежим!

Она встряхнула головкой и смело посмотрела мне в глаза: „не боюсь!“

Схватившись за руки, понеслись...

Потом, когда сидели внизу рядом, тяжело дыша и впились друг в друга глазами, было произнесено вызывающе-твердо:

— Любишь?

Стыдливый кивок головы и искры глаз ответили: — Да!

И тогда был первый, незабываемый мучительно-сладкий поцелуй...

— Серьезно? Сильно любишь? Вот так?

И я тяну ее к себе и стараюсь раздавить на груди. Потом отстраняю ее от себя и смотрю в глаза.

— Вот сто-личко...

Нина показывает кончик пальца, хватает в руки мою голову и чмокает меня несколько раз в губы:

— Вот так, вот так, вот та-а-мм...

И задыхается, потому что я пьявкой впиваюсь в ее губы. Бьет меня кулаками в грудь и барабанит по траве точеными ножками...

— Гадкий!..

...Отрывок думы о прошлом исчезает. Тупая, сладкая боль души. Я смотрю в разрез люка и слышу, как по стеклу бьют крупные капли дождя. В мансарде темно и жутко. Замолкнувшее было пение возобновляется, и тот же женский надтреснуто-горловой голос гнусавит:

Elle a perdu son pantalon,
Sa ch'mis' et sa combinaison
Tout en dansant le charleston.

Тошно.

Я выкуриваю, одну за другой, несколько папирос. Появляется легкое головокружение. Стиснув зубы и сжавшись, стараюсь не думать о прошлом, но не могу... Мне такой сладкой кажется боль, наносимая воспоминаниями.

...Был разговор.

— Как только кончу учиться, так и поженимся. Да?

Нина упруго жметса ко мне и беззвучно, одним дыханием отвечает:

— Т-т-а!

Нина вся моя, с ног до головы, но все таки она для меня — тайна. Я вот могу потопить свой взгляд в ее глазах и упиваться до одурения, рвать укусами поцелуев ее губы, целовать подьем ее ножки, но не хочу, чтобы исчезла тайна.

Ни-ни-ни-ню-нинь-ка! А когда поженимся, я тебе... ты мне...

Наклоняюсь к ней близко и раскаленным шепотом говорю на ухо:

— Маленькие розовые ребятишки...

Она вспыхивает, сердится и резко отворачивается. Тяну ее к себе, беру за подбородок и хочу поглядеть в глаза.

— Нинуся, не сердись. Я пошутил... Ну? Хочешь, я стукнусь головой о стенку или пройду колесом...

Подбородок упрямо тянется вниз, голова опускается, я не могу поймать глаз. Нижняя губа притворно пухнет...

Глупый, гадкий...

...Нет, я больше не могу. И зачем я думаю обо всем этом? Ну, встряхнусь!

Отвожу глаза от люка. Вот там стена. Влево от меня, в углублении камина — печка. Она не топится, и мне холодно. Нужно спать. Завтра должен подняться рано... Ну, веселей!

Вот вчера вечером я шел по бульвару и увидел около бельевого магазина черного-пречерного негра. Удивительно смешной. Он рассматривал витрину, читал вслух цены и что-то жевал. Как он смешно жует! Я еще подумал: неужели у него розовый язык? А немало дальше встретил толстощую женщину. Ноги — тумбы. Лошадиный круп. Умопомрачительная, трясущаяся у живота грудь. Какой была эта женщина в 17

лет? Еще дальше, на перекрестке, на углу узкой, полутемной улочки, зазыв:

— Tu viens, cheri?..

Зовущий, быстрый кивок головы.

Убогое, бедное существо с кривыми ногами. Бесстрастно просящая и почти враждебная улыбка. Матовый блеск золотого зуба и аляповато-грубый черный обвод глаз. Глаза как будто глупые, а может быть печальные.

— Il y a du feu chez moi... Et je serai gentille.

Я рассеяно смотрю на нее, улыбаюсь и прохожу мимо. Меня догоняет и бьет в уши трагически-безразличное:

— Chateau..

Впрочем, это, может быть, и не ко мне относится...

А какие все-таки у них, у всех этих, печальные глаза! А может быть, они только кажутся печальными, оттого, что слишком черно подведены... Интересно: что нужно делать, чтобы глаза казались веселыми? Класть мертвенно-белый густой клоунский слой пудры на лицо и красить нос? Не думаю...

Я как-то смотрел в зеркало и заметил, что у меня какие-то живоотно-печальные глаза. Мне было немножко противно и жалко самого себя. Мне и сейчас жалко себя, иначе я бы не ежил и не чувствовал что-то нудно-колючее внутри...

Но как все-таки трудно встряхнуться и думать о пустяках. Это страшная борьба. Если сейчас пересилю себя, так завтра буду зол, как сто чертей, груб и мерзок. Задремлет нервы, буду придираюсь ко всему... Буду лучше вспоминать. До точки не далеко. Подкажится потом и ком боли с огненно-острыми иглами, немый воплем завоюет душа, буду богохульствовать, — но недолго. Успокоюсь быстро и, проглотив остаток слезной горечи, помолюсь покорно и смиренно:

— Господи, укажи мне путь мой.

...Бешено-скачущим вихрем проносятся слившиеся в одно кошмарное целое едкие скорбные клочки воспоминаний...

...Революция. Удушливый гад над Степью. Наплыв смрадной нечисти. Восстание. Война. Радужно-

светлые мечты. Нина скоро будет моей. Потом туман...

...Ненормальные сумерки дождливого дня. Короткая последняя встреча. Нина больна: беспомощно утонула в подушках. Бледная, жалкая. Впавшие глаза. Сине-белые губы. Отрывистые слова, наносящие боль:

— Ничего... Все пройдет... К весне, как всегда, вернешься...

Больная улыбка.

Нужно уходить. Нервно-поспешный поцелуй. Худые с синими жилками руки держат мою голову. Печальный блеск широко, как в испуге, раскрытых глаз. Остановленное нервное движение кончиков губ. Ползет по щеке слеза.

— Ты чего это?..

— Так...

Дальше тучи, тучи, тучи...

Развал. Отступление. Леденящая стужа, невылазная грязь. Море. Огромный, грязный пароход. Панический рев бури...

И потом заключительный, горестный аккорд...

Я знаю это письмо наизусть. Это было первое письмо. Огнем клеймом врезались в мозг и душу и запечатлелись навсегда несколько слов о моей светлой Нине:

...„А над бедной Ниной надругался один красноармеец. Она еще не совсем оправилась от тифа, когда случилось это несчастье. Говорят, что она отравилась спичками. Ее как будто даже спасли, но потом она так и зачахла... Ты там не убивайся слишком. Я понимаю, что тебе будет страшно тяжело, но во-первых ты же, ведь, казак, а во-вторых, у кого только теперь нет своего горя?“

...Четкий, сладко-больной бой сердца затихает. Это удушье. Я вонзаю зубы в верхнюю губу, закидываю руки за голову и стараюсь сдавить локтями виски...

К чорту люк! Лучше повернуться на бок, лицом к стене, закутаться, как следует, в одеяло, сжаться в комок, чтобы было теплее и думать о другом.

...Вот вчера вечером я шел по бульвару и увидел этого самого негра. Какой он смешной...

Андрей Савицкий. (Югославия).

Кубань родная.

В неволі тяжко, хоч і волі,
Сказати по правді, — не було!..

Тарас Шевченко.

**

Дребезжали последние телеги добровольцев. Чужие, испуганные лица, корнетские, полковничьи погоны, косянки сестер, крики, ругань, случайные выстрелы... Они уходили.

Станица спала еще. Были пустынные улицы. И лишь редко где белая рука казачки торопливо отодвигала занавеску.

— Тікають, тікають Ваньки...

Неволью крестили себя казачьи груди.

Они убегают, но за ними придут тоже враги, тоже чужие!

Молодой кубанский учитель Василь Глебенко в сером, утреннем тумане вышел на улицу. Смотрел, как по дороге неслись телеги, вспененные кони, задыхающиеся ездоки.

— Из больницы не вывезли, — не успели, подумал он; а как будет, наверное, завтра заливать добровольческая пресса — в полном порядке... в сознании долга... тактически... временно, на заранее заготовленные позиции... обожаемый и доблестный главнокомандующий...

Ох горько! Так и должно оно быть!

Как волчья стая, пронеслись эти корнеты и генералы, губернаторы и интенданты по Кубани... Не хо-

тели понять народа, гостеприимством которого непрошено воспользовались; держали себя здесь (под защитой казачьих шашек и штыков!), как в покоренной стране, разорили землю, перессорились со всеми и теперь удирают, оставив черную, злую память.

Больше никогда, больше никогда с москалями!

Грустный и задумчивый Глебенко долго стоял около своего дома. Была холодна его душа, но глаза невольно любовались, как медленно подымалось за рекой, мутной и желтой, из-за пустых зарослей ласковое весеннее солнце. Розовело небо, нежно пурпуровое. Оживали родные улицы. Шли казачки уже с ведрами и раннее золото обливало их печально прекрасные лица...

Ах, если б свободу дать этому нашему краю, какой угодно ценой, но свободу и жизнь...

— Василь, Василь Тарасович! донесся до учителя умоляющий женский голос.

Он вздрогнул. К нему бежала дама. Котиковое пальто на распашку, заплаканные синие глаза, пальцы в перстнях и золоте. Жена полковника Р. — коменданта станицы — москвичка.

— Василь Тарасович — все уехали! Муж! Боже мой, я одна, — только раненые и я... Большевики близко!

Последние слова звенели криком, страшным, смертным.

— Я задержалась, ездил на хутор, а муж, муж...

Глебенко, сняв кубанку, машинально ерошил шелвелуру. Только неделю тому назад ее муж, рыжеусый полковник гвардии, кричал на него в комендантской:

„вы что это там, самостийность, агитация, Шевченко, Просвитель — запорю!“ Ненавистью горели глаза... А жена его, в другой комнате рядом, слыша его крик, презрительно — едко улыбаясь, повторяла: „самостийность? О, негодяй! Успокойся, Поль!“

И вот, сейчас, она рыдает. А муж? Глебенко вспомнил полковничью фигуру, наскочившую на бричку, где спал священник. „Убирайся, я, я, я... очищай место...“ Он уже где нибудь там, на набережной Новороссийска.

— Чем могу я вам помочь, сказал медленно учитель. — Не помог вам Бог погубить меня, а я зла не желаю. Идите в хату, там сестра моя, — она поможет вам. А я пойду насчет раненых, надо их переправить...

Вечером Глебенко вернулся в хату.

— А, спаситель, встретила его полковница, уже успокоенная, надушенная, напудренная. — Сестра ваша ушла помочь раненым. Мы одни... Мелькнуло в глазах шаловливое, острое.

— Большевики будут здесь через два часа, сказал Глебенко, снимая с полки ружье.

Ее глаза — не понимали! Большевики, — но чего вам бояться? и с ними можно жить!..

Глебенко зарядил винтовку и торопливо достал из под постели коробку патронов.

— Проводите меня, просто сказал он.

Синий вечер засыпал. Звезды горели так ярко — прощально. Учитель шел к плавням. Минута и он был в кустах. Последний взгляд — Кубань, земля — зовет.

— Прощайте!

— Почему? изумилась она.

Простите, вы не поймете...

Он крепко стиснул мягкую руку.

Прошел всего один месяц, Глебенко связанный, окровавленный, с небритым, обожженным лицом, сгоял между двумя красноармейцами в коридоре Исполкома. Пахло смертью. Близко она от казака.

— На допрос!..

В комнате, небрежно развалившись на бархатном диване, полулежал комиссар, бывший мастеровой, петроградец Иван Агапов. Рядом с ним, так томно, так нежно... полковница, знакомая Глебенко. Она смотрела на него, а глаза смеялись... И с большевиками можно жить и не дурно! Глебенко не смотрел на нее, машинально что-то отвечал, а глаза с мукой смотрели в окно.

— Что, Соловков захотелось? заговорил комиссар. Выбьем из вас эту самую самостийность!

— Самостийность, фи! жеманно протянула полковница. Ах, не волнуйся, Жан!

Глебенко — не отвечал.. Кубань сияла в окне. Синяя, безкрайная... Родная Кубань, уходящая и так насытно, так жадно любимая.

— Кубань родная, сказали его губы, а глаза мучительно всматривались в каждую изгородь, в каждую улицу, в каждую крышу, в каждого прохожего...

Кубань родная!..

А. Персидсков.

(Брно)

* * *

Ну-ка, ветер, песню грянь
 Про сарынь, про волю,
 Про лихих в Москве бояр,
 Про казачью долю.
 Расскажи, как с голытьбой
 Стенька чернуосый
 Вниз по Волге, на разбой
 Плыл на легких бусах.
 Заведи уныло сказ
 О людях казненных,
 О царя Петра указа,
 Долгоруких верных.
 Про Емелю Пугача
 Расскажи, что было
 Расскажи все сгоряча
 Так, чтоб сердце ныло!..

С. Савицкий.

(Бразилия).

* * *

Золото, серденько — рідна Кубань!
 Як-же тебе нам забути?!
 Як-же нам милий на вигнаню рай!
 Двері до тебе замкнуті.
 Золото, серденько — рідна Кубань!
 Хто-ж, як не ми, боронили
 Степ твій широкий від північних зграй.
 Свідки — хрести та могили,
 Золото, серденько — рідна Кубань!
 Знаєм, що сталося в раї:
 Пекло зробив там червоний москаль.
 П'яний від крові, гуляє...
 Золото, серденько — рідна Кубань!
 Страдників свіжі могили, —
 Знайте, що дух наш зміцнівся, як сталь;
 Вдаримо в двері що — сили.

По поводу годовщины провозглашения украинской самостоятельности.

22 января исполнилось 11 лет со дня провозглашения Украины независимым государством.

Одиннадцать лет тому назад т. наз. IV универсалом — была провозглашена „Українська Народня Республіка“.

IV универсал является не только эпохальным событием в истории Украины; это в то же время поворотный пункт в истории Востока Европы вообще.

Одиннадцать лет тому умерла Россия поли-

тически и родилась Восточная Европа, как ее законный преемник и наследник.

УНР — была одним из главнейших проявлений политического творческого процесса на Востоке Европы, в истории какового большевизм является только эпизодическим *intermezzo*, на время задержавшим его естественную политическую организацию.

Исторической миссией СССР — является (хочет он того или не хочет) ликвидация прежней России, — до государственной вывески

включительно. Это с одной стороны. А с другой — очистка пути для национального самоопределения Востока Европы, этого исторического „кладбища“ угнетенных народов — в прошлом и колыбели новых национально-политических организаций — в будущем.

Украина — является в некотором роде кристаллизационным центром Восточной Европы и ее возможным политическим авангардом в будущем.

Русские патриоты называют Киев „матерью русских городов“, оправдывая таким образом исторически политическое господство Москвы над Украиной.

На самом деле Киев это, может быть, будущая политическая столица Востока Европы, восточный оплот европейской демократии и культуры.

Ни старая, ни новая Россия — никогда не понимали этого потенциального значения Украины, как международного политического фактора грядущих дней.

Своим тупым централизмом и слепым национализмом Москва была бессознательным сообщником долгое время подсознательного сепаратизма Киева.

История четырех украинских универсалов (автономия, — федерация, — сепаратизм) наглядно и ярко вскрывает эту противоречивую и роковую сопряженность между столицей Великороссии и Украины.

Будущему историку Украины придется отметить среди активных факторов украинского политического сепаратизма — русский патриотический централизм, сыгравший такую огромную роль после февральской революции и блестяще подготовивший почву для IV универсала, годовщину которого празднуют украинцы 22 января.

Сейчас IV универсал — это историческое воспоминание об утраченном недавнем прошлом.

Украина порабощена. В изгнании ее дети — дома и на чужбине... Но, не навсегда.

Дождется своего освобождения Восток Европы. Преданием станет кровавый кошмар наших дней. Воскреснет снова и Украина. И, верим и знаем, — V универсалом на Софиевской площади, в древнем Киеве, заявит миру о своем национальном освобождении и о восстановлении своей государственной самостоятельности.

Новый Год.

С Новым Годом и с новым счастьем, казаки! И Вам и нашей далекой, поруганной, уничтожаемой с дьявольской последовательностью, нашей родине, родной Земле нашей казачьей. —

Мы здесь все еще ломаем копыя и кой-кто борется еще из нас за „единую неделимую“, а забываем, что там, в ней то и уничтожается то, что должно быть для нас дорожкой самой жизни. Идет уничтожение народа нашего, Земли наши делят и пестрят они сейчас на карте как одеяло из лоскутков. Само, имя казак, столь славное по всему свету, выскабливается и вытраивается из речи народов. И не только большевики делают это. В этом грехе повинен весь народ русский.

Так „благодарит“ он нас, казаков, за трехвековую службу нашу на страже границ его государства, службу в опаленных вечным зноем степях закаспийских, закавказских и прочих местах колоссальной границы бывшей Российской империи, где могли выдержать одни только казаки.

А мы? Мы „надеемся“ на скорое уничтожение большевиков в России, и... тогда нам все возвратят, извинятся перед нами за озорство и все пойдет по старому, да еще и лучше.

Но, впервых, откуда вы знаете, что большевиков кто-то для нас прогонит из России? Что-то не похоже. Но если бы даже и так, — разве верите вы, что Казачество с его разграбленным добром, русский гражданин и его будущее правительство снова возродят? Не верьте, идею расказачивания и уничтожения Казачества россиянин крепко усвоил и никакие силы не заставят его отказаться от того, что он считает своей собственностью и правом! Да и не будет ли поздно? Нельзя собрать опять пуд золотой пшеницы, размешанной в миллионах пудов ячменя, вывезенного из портов российских. Никакие сита и машины уже не помогут. —

Ну, так что же? Значит, так тому и быть? Нет! Так тому не бывать! Смелые и энергичные англичане образовали колонию в Северной Америке, но как только поняли, что зависимость от метрополии их стесняет

— смело оторвались от нее, образовали С. А. Соединенные Штаты и ныне процветают. Финляндия, Польша, крошечные Латвия и Эстония, многострадальная Чехословакия — столетиями ждали и дождалась своей независимости и свободы. Небольшая по величине и населению Сербия пять веков томилась в турецком рабстве, но ни на минуту не угасила огня свободы, тлеющего в сердцах ее героического народа, выбрала момент, сплотила около себя других балканских славян и гордо подняла голову, сбросила оковы рабства и образовала ныне великую державу.

Это ли не указания нам, нам сильным и прославленным бойцам — воинам, культурнейшей части населения в бывшей державе Российской, как и что нужно делать, если мы не хотим, чтобы наше имя было стерто с лица земли? Нужно всем слиться в одну душу, душу ищущую выхода на волю.

Некоторым, быть может, и с болью придется вырвать из себя привитую привычкой и воспитанием идею неделимства и верноподданства государству Российскому, чтобы принять новую религию, достойную Казачества, религию самостоятельного государства. Мы выросли до этого. Нам нет помощи ни откуда, нет сил и средств? Неправда! Есть! Таких, как мы, много.

Не вешайте голов в отчаянии. Об'единяйтесь все вокруг одной идеи, идеи независимости Казачества и тех людей, которые взялись за ее воплощение. Поверьте — это единственный путь, единственное средство и способ спасти Казачество. Да не осудит нас потомство и история за уныние, бездеятельность и разобщенность. Да не застанет нас, быть может уже недалекий удобный для того час, — разбитыми на группы разных толков, неспособными понять закон настоящего и приказ будущего и неготовыми вывести нас на свободу нашу оскорбленную и растерзанную Мать, — родное Казачество. —

С Новым Годом!
Сербия, 7/1-29 г.

Старый Гейман.

Инж. В. Бейсуг.

О географическом положении Казачьих Земель.

II.

Мы рассмотрели уже ряд географических факторов. Условимся называть их, в отличие от подлежащих рассмотрению в дальнейшем, факторами первичными, т. к. в образовании их не принимала участие рука человека. Теперь перейдем к факторам в основе географическим, но в то же время тесно связанным с жизнедеятельностью человечества. Первой нашей задачей здесь будет оценить географическое положение Казачьих Земель с точки зрения торговой географии.

Мировая торговля стимулируется 2 факторами: расширением потребностей человека на целый ряд предметов, происходящих из далеких земель, и разницей производственных условий в различных странах и землях. Сочетание данных почвы, климата, свойств населения и т. д. делают отдельные места земной поверхности исключительно благоприятными для тех, или других производственных процессов. Идеальное мировое разделение труда было бы в том случае, если бы в каждом районе производилось то, для чего сочетание всех вышеуказанных данных является наиболее благоприятным, и во время, когда спрос на данный товар является максимальным. Этот идеал осуществим лишь в очень небольшой мере. Задачей мировой торговли и является выполнение возникающей отсюда проблемы.

Народные хозяйства отдельных районов в силу географических условий и факторов политических приобретают характер известной общности и образуют так наз. „округа“ мировой торговли. До войны 1914 г. экономическая география знала 6 таких округов (более современное деление невозможно из-за пустоты в мировой торговле, образуемой территорией СССР): 1) Округ Британский — единый политически, но географически расбросанный по всему земному шару; характеризуется он большими размерами, внутренним разнообразием и экономической несамостоятельностью, ввиду недостатка сырья и избытка товаров; 2) Русский, куда рядом с Русской Империей входили Монголия, Маньчжурия и Северная Персия; округ характеризовался компактностью территории и избытком сырья; 3) Европейский, — обнимает все Европейские государства за исключением Англии и СССР. Несмотря на то, что земли составляющие этот округ политически очень пестры, экономически он все же характеризуется большой общностью данных: преобладанием высоко культурных народов, большой густотой населения, поставившей колыностов во все части света, и равновесием между земледельческой продукцией и производственной промышленностью с постепенным уклоном все же к последней; 4) Северо-американский, включавший в себя С. Шт., Мексику и Центральную Америку. Для этого округа характерно исключительное экономическое и политическое преобладание одного государства (С. Шт.), положение на двух океанах одновременно лицом к Востоку и Западу, экономическая самостоятельность и, наконец, решающее значение на рынке ряда весьма важных предметов мировой торговли (хлопок, нефть, железо и т. д.); 5) Южно-американский — с природой мало завоеванной человеком и большими перспективами экономического развития; 6) Восточно-азиатский; включает Китай и Японию, сравнительно недавно вошедших в кругооборот мировой торговли; округ богат вне конкуренции дешевыми живыми силами, содержит огромные неразработанные земельные богатства (угольные залежи Китая).

Казачьи Земли лежат в районе схождения округов британского (близость Индии и сферы английского влияния в Персии, морской путь через Суэц из Лондона в Индию), русского и европейского, т.-е. там, где соприкасаются миры, устанавливающие полным различием внутренних условий необходимость грандиозного процесса обмена. В этом процессе роль Казачьих Земель можно мыслить или активной, как одного из контрагентов процесса обмена, или пассивной, как роль районов, через которые будут проходить артерии ми-

ровой торговли. В обоих случаях географическое положение Казачьих Земель исключительно.

Рассмотрим сперва первый случай. Выступая активно, Казачьи Земли могут явиться поставщиком сырья для богатейших покупателей с 400-ми миллионами населения — для округов Европейского и Британского. 2 водных артерии Дона и Кубани дают возможность речным путем доставлять грузы из Hinterland'a до морских пристаней, откуда открывается близкий и найдешевый морской путь во все приморские центры Европы; даже больше — в самое ее сердце, в центральную Европу: если при современных архи-неблагоприятных условиях СССР ухитрится организовать отpravку Дунаем из Чехии 2000 труб для Бакинского нефтепровода, если уже теперь чешские сахаропромышленники проэктируют отправку сахара Дунаем на персидские рынки, то разве не есть вопрос водного пути Вена—Новороссийск, или Братислава—Ростов вопросом лишь времени, денег, и технических улучшений? Безусловно, да. А это дает такое колоссальное преимущество в смысле дешевизны и удобства транспорта, которое уравновесит другими факторами иным землям будет нелегко. Такой же дешевый водный путь связывает Казачьи Земли с Южной Европой. Если взять направление на Север, то и здесь артерия Волги служит прекрасным водным путем, ведущим в промышленные центры, обеспечивающие большой спрос на сырье. Остается четвертое направление — на Восток, вернее Юго-восток. Каспийское море — мост в Туркестан, Персию, вообще на „Восток“. Если бы промышленность Казачьих Земель развилась и нуждалась в экспорте, то это направление даст перспективы и для вывоза товаров. Конкурировать готовыми фабрикатами с облеченной во всеоружие техники Западной Европы вообще трудно, но конкурировать в упомянутых землях близкого Востока вполне возможно: где нельзя будет взять качеством, можно будет взять дешевой ценой, в значительной мере зависящей от дальности а след. стоимости, доставки. Возможность использования водных путей дает возможность сбавить те миллионы, которыми оплачивается всегда транспорт товаров по суше. Это соображение не должно выпускаться из виду, если мыслить Казачьи Земли, как импортера заграничных товаров или покупателя недостающего сырья на ближайшем востоке (туркестанский хлопок!).

До сих пор, говоря о предметах ввоза и вывоза, мы умышленно употребляли лишь общие слова „сырье“, „фабрикаты“ и т. д. Раскрытие этих понятий и детальное обсуждение вопроса о том, что может служить предметом обмена в процессе участия Казачьих Земель в мировом товарообмене, не может фигурировать в данном очерке: во-первых, это не соответствовало бы названию нашей статьи, во-вторых, упомянутый вопрос по исключительному богатству своего содержания требует отдельной разработки. Однако, мы не можем устоять от соблазна и не сделать, хотя бы в пределах географии, маленькую экскурсию в эту область.

Мы уже писали об удивительном сочетании в комплексе Казачьих Земель различных стихий природы: моря, гор, степей и лесов. Это сочетание не может не отразиться на характере участия Казачьих Земель в мировом хозяйстве. Стихия - степь, земли - равнины в большинстве случаев являются ареной земледельческой культуры. Добыча полезных ископаемых сосредоточивается чаще в горных районах. „Лесные“ богатства уже своим названием говорят о своем местонахождении. Сочетанием всех этих стихий не могут похвастаться многие. В большинстве случаев зоны, богатые земледельческими продуктами, являются синонимами зон, бедных горными богатствами, и наоборот. Казачьи Земли могут служить поставщиком и хлеба, — удел земель степной стихии, и стали и угля, — богатство горных стран, и нефти, — которой не хватает всем вообще. Хлеб, сталь, уголь и нефть, — это четыре предмета настолько существенных и важных для всего

мирового хозяйства, что обладатель их действительно может смело, в сознании собственной силы, „окрикнуть“, повторяя слова почтенного кубанского профессора Щербини: „казак идет, — посторонись!“

Хлебная продукция Казачьих Земель с точки зрения экономической географии характерна в двух отношениях: во-первых, район продукции не только речными путями связан с морем, но и непосредственно примыкает к нему; во-вторых, весь комплекс Казачьих Земель лежит в зоне экстенсивной культуры. Последнее обстоятельство, рассматриваемое само по себе, не может быть признано положительным. Однако с точки зрения мировой конкуренции оно имеет известную положительную сторону, ибо результатом экстенсивности земледелия обыкновенно является дешевизна продукта. Вопрос этот, впрочем, спорен. Закон уменьшающейся производительности затрат труда и капитала в сельском хозяйстве, в котором лежит источник разрешения затрагиваемого вопроса, слишком еще мало исследован, несмотря на то, что известен уже около 150 лет (начиная с Тюрго).

В экономической науке прежде всего нет точно установленной и общепризнанной формулировки этого закона. Виднейший русский представитель сельскохозяйственной экономики, проф. Скворцов, этот закон вообще отвергает. Другие ученые, начиная с Д. С. Миля и кончая американцем И. Фишером, систематически смешивают моменты технические и экономические. Американский проф. Г. Тейлор переводит закон в иную плоскость, толкуя его как частность проблемы „пропорций факторов производства“ — и т. д.

Не вдаваясь в объяснение причин, мы однако можем констатировать, что первый триумфальный выход американской пшеницы на мировой рынок покоился почти исключительно на небывалой экстенсивности молотого земледелия заокеанской Республики.

Русский довоенный хлебный экспорт тоже опирался наряду, правда, с целым рядом специальных свойств русского зерна, на дешевизну продукта, как результат экстенсивности земледелия экспортных районов.

Сильная позиция Аргентины в наши дни тоже зиждется на экстенсивности хозяйства.

Поэтому, не заглядывая черезчур далеко вперед в область общей эволюции земледелия, мы можем утверждать, что как теперь, так и в непосредственном будущем, эта „слабость“ географического положения Казачьих Земель (т.-е. положение в зоне экстенсивных культур востока Европы) явится в то же время и их силой.

Сочетание этого фактора со всеми означенными выше преимуществами близости морской стихии, определяет географическую позицию на мировом рынке казачьего хлеба.

Наши рассуждения о экс. — и интенсивности хозяйства не применимы, конечно, к стали и углю. Позиция этих двух чрезвычайно важных продуктов мирового обмена может характеризоваться в Казачьих Землях близостью рынков потребления (напр. центральный промышленный район России), известной налаженностью дела, ибо даже господство большевиков не может свести здесь все к нулю, и опять-таки близостью дешевого водного пути для экспорта.

Если хлеб, сталь и уголь „козыри“ в картах Казачьих Земель, то нефть — это „козырный туз“, которого никто не бьет.

О значении нефти для промышленности, техники, и вообще для всего мирового хозяйства можно писать целые книги. Откроем мировую карту полезных ископаемых, карту хотя очень больших масштабов, и мы увидим, что на ней очень мало мест обозначено словом „нефть“. Нефть принадлежит к числу тех редких и дорогих даров природы, которые вводят отдельные земные уголки в число „благословенных“ и „избранных“. С нахождением нефти в Казачьих Землях, фактором по нашей условленной терминологии „первичного“ характера, связано обстоятельство природы „вторичной“.

Мы имеем в виду то, что в XX веке имеет не меньшее право на обозначение на экономико-географической карте, чем, напр., железные дороги: нефте-

провод Грозный—Туапсе, нефтепровод радиусом в 10 дюймов, протяжением в 624 км. (!) и стоимостью в 45,5 милл. золотых рублей.

Иронией судьбы он создан в Казачьих Землях в дни господства тех, кто и слова казак не признает — теперь, но... он создан. Туапсе стало одним из ворот Казачьих Земель на мировой рынок, через которые может литься драгоценнейшая и нужнейшая всем нефть.

Таковы некоторые данные географического положения рассматриваемых Земель, оцениваемых в качестве активного участника мирового товарообмена.

Скажем теперь несколько слов о роли их в качестве участника пассивного. Под таковой ролью мы понимаем роль Казачьих Земель, рассматриваемых, как зона, в которой и около которой протекают известные экономические процессы, своей внутренней природой не стоящие в тесной зависимости с самими этими землями. Суживая несколько эту роль и отбрасывая рассмотрение значения Казачьих Земель для окружающих районов, мы остановимся на них, как на зоне транзита мировой торговли.

Упомянутое выше деление участвующих в мировом товарообмене земель на 6 торговых округов и здесь может послужить исходным пунктом. Уже само понятие транзитного района вызывает представление о не-что лежащем между тем то и тем. И действительно, при упомянутом выше делении на округа Казачьи Земли могут быть рассматриваемы не только как составная часть этих округов и козачный, или начальный пункт ряда меновых процессов, но и как зона промежуточная. Основанием этому может служить их дограничное положение по отношению к территориям торговых округов. Мы уже говорили, что Казачьи Земли лежат в районе схождения округов Европейского и Британского с одной стороны, Русского — с другой, т. е., округов, торговый обмен между которыми может или совсем не быть (что мы видим при современной политической обстановке), или принять грандиозные формы. Нельзя, конечно, недооценивать значения для торговых сношений сухопутной границы между округом Европейским и Русским, но нужно помнить в данном случае и то, что 4/5 мирового товарообмена совершается водным путем. Причины этого явления слишком очевидны, чтоб их нужно было объяснять. Приведем лишь две любопытные цифры: на пороге XX столетия перевозка хлеба на небольшом расстоянии Чикаго — Н.-Йорк обходилась в 2½ раза дороже, чем перевозка его через весь Атлантический Океан из Н.-Йорка в Ливерпуль; перевозка 60 пуд. хлеба на 2000 км. по суше обходилась перед войной в среднем в 50 австр. крон, по морю — 5-6 крон. Императорская Россия в данном отношении не составляла исключения. Так, если мы возьмем экспорт хлеба, который составлял краеугольный камень актива русского баланса, то за 4 довоенных (1908-1912) из 678,2 мил. пуд. вывозимого в среднем в год хлеба, 576,3 мил. пуд., т. е., 85% вывозилось морем (цифры взяты из официальных данных „Обзора внешней торговли“). Из этого количества, 487,8 мил. пуд. приходилось на моря Черное и Азовское, справедливо получивших название „хлеботорговых“.

Перекройка политической карты Европы после войны может отразиться лишь в сторону еще большего увеличения значения для Русского округа Черного и Азовского морей за счет Балтийского. Можно думать, что перегруппировка в соотношении экспорта и импорта, также может привести лишь к увеличению общей суммы товарообмена через Черное и Азовское моря. Дело в том, что если отбросить торговый оборот Северной Персии, Монголии и Манджурии, входивших в экономико-географическое понятие „Русского округа“ и взять одну Императорскую Россию, то для нее именно южные моря и создавали актив во внешней торговле: импорт через них равнялся приблизительно лишь 15% шедшего через них экспорта.

Перекройка политической карты едва-ли изменит внешние границы экономико-географического понятия „Русского округа“ разве что переменится название. Но зато иное внутреннее соотношение частей округа по всей вероятности отразится на характере его внешнего товарообмена. Мы видим, что уже даже на основа-

нии карты Европы, скроенной Версальским миром, область Казачьих Земель, Кавказ, Туркестан, и т. д. оказалась при том же физическом расстоянии от центра Европейского округа, практически дальше от него: цепь Прибалтийских государств, Польша и др. кладут новые политические границы-преграды на пути в Западную Европу. При этих данных путь для европейских товаров на восток через Балтийское море и сухопутные границы может оказаться слишком трудным. Если так, то Черное и Азовское моря приобретают большое значение и для импорта. Общий баланс происходящего через южные моря товарообмена от этого может только увеличиться, а земли транзита — выиграть.

Развитие Мурмана и пути через Белое море еще слишком проблематичны, других же водных путей в Европейский округ нет. Т. обр. для всего Русского округа главной линией, через которую пойдет водным путем товарообмен с округом Европейским, является линия портов Одесса-Ростов-Новороссийск-Туапсе. Абсолютное доминирование в этой области Одессы оспаривать трудно. Однако, если брать относительное значение этих портов для лежащего позади Hinterland'a, и принять во внимание величину последнего, то значение портов восточного побережья Черного моря и побережья Азовского моря, будет не меньше значения Одессы.

Подводя итог, мы констатируем: положение Казачьих Земель у южных морей, сыгравших в будущем решающее значение в процессе товарообмена между Русским и Европейско-Британским торговыми округами,

представляет огромное преимущество, преимущество земель интенсивного и массового транзита. Не пужно было обладать в прошлом особым пророческим даром, чтоб показать на карте точки, где находятся Гамбург, Бремен, Марсель, Александрия, Сингапур и др., чтоб сказать, что здесь вырастут мировые порты: для этого бы нужно было лишь просто уметь логически мыслить, „ч и т а т ь“ карту и несколько предвидеть. Политическая карта мира и ее перемены могут задержать, могут ускорить такие процессы, но рано или поздно они все равно проявятся. Человечество располагает в конечном итоге слишком малым числом таких благословенных точек — окошек на мировой рынок. Для этого необходимо сочетание слишком большого ряда благоприятных условий. Поэтому мы смело можем утверждать, что рано или поздно, сегодня, завтра, или послезавтра, но в районе, где теперь лежат Новороссийск, Ейск, Ростов, Азов и др. скромные порты, зарегистрированные в регистрах мировой торговли, как пристани „местного“ значения, возникнут мировые порты первого звена. Они должны возникнуть. Это неумолимо диктуется логикой их географического положения. И они войдут в ряды тех, кто их может быть и не зовет по мотивам конкуренции. Счастлив тот, в чьих землях они лежат, ибо они сыграют в деле поднятия благосостояния Казачьих Земель больше, чем сотни фабрик и заводов.

(Продолжение следует).

Т. Игнатович.

Неотложная задача.

Пробуждение народного самосознания среди Казачества, пробуждение его воли к самостоятельному, независимому политическому бытию — это неопровержимый факт наших дней. Казачество ступило на путь своего народного и государственного самоопределения и с пути этого ничто уж его свернуть не может. Ибо не было и нет на земле примера, чтобы народ, раз осознавший свое отдельное бытие, захотел добровольно его прекратить, кончить жизнь свою самоубийством. Народы гибнут в кровавой борьбе с другими народами, народы вырождаются и вымирают под влиянием неблагоприятных культурных, социальных и экономических обстоятельств, под влиянием болезней и старческого истощения, — но повсюду и при всяких обстоятельствах фактором, обуславливающим и укрепляющим их жизнь — является их национальное самосознание, их воля к жизни. Казачество этот фактор уже обрело. Наша задача теперь укрепить, углубить его.

Для создания и развития народного самосознания основное значение имеет установление связи и преемственности между жизнью народа прошедшей и жизнью настоящей, для жизни предстоящей. Где нет этой связи, там темны, неясны и полны грозных неожиданностей и ошибок пути народов.

История учительница жизни — говорили мудрые римляне и эту истину хорошо усвоили себе все возрождающиеся, самоопределяющиеся народы.

Прошедшее и настоящее столетия — эта эпоха возрождения многих народов Европы и Азии, характеризуется в всесторонним развитием исторической науки „новых“ народов. У каждого возрождающегося народа создание кодекса своей истории, для нужд своего настоящего и будущего, со своей собственной оценкой исторических событий, являлось первым и главным шагом развития народного самосознания. Вспомним только, какое значение в жизни возродившихся славянских народов имели „Dějiny národa českého“ Франтишка Палацкого, История болгар Венелина, „Історія України-Руси“ Михайла Грушевского...

Казачье народное самосознание еще такого кодекса своей казачьей истории не имеет. Минувшие века принадлежности к Государству Российскому не принесли Казачеству познания своей истории ни в деталях, ни в целом. Не в интересах России, проводившей по-

следовательную политику русификации многочисленных народов и племен, было доускать установление правдивой подлинной истории того Казачества, которому свыше предопределено было оставаться только „сословием...“ Казачеству — сословию предоставлено было лишь весьма незначительное и нередко не весьма лестное местечко в общей схеме истории России. Всякую попытку разработки казачьей истории не в аспекте идей сословного служения Государству Российскому — власть в корне пресекала. Тех, кто на это дерзал, власть казнила плахую, карала кнутом и рванием ноздрей, ссылкой в Сибирь. Казаки о своем прошлом могли узнать только из коротеньких отрывков-эпизодов российской истории, приготовленных для школьного употребления. Более детальные труды весьма немногочисленные и доступные лишь ограниченному кругу специалистов историков появлялись только по истории отдельных казачьих Войск. Труды эти по необходимости тоже имели не казачий, а российский дух. Полной истории всего Казачества даже с российской тенденцией не появилось вовсе.

В настоящей эпохе великой европейской войны и катастрофы Российской Империи — Казачество очутилось без своей разработанной, систематизированной истории — без своей учительницы жизни. В критическое время, когда поставлен был вопрос дальнейшего бытия или небытия Казачества, когда стало необходимым установить связь между прошедшим и будущим Казачества — воля Казачества к жизни оказалась основанной лишь на полузабытых дедовских преданиях, на неосознанных традициях, на инстинктах и чувствах... Последнее десятилетие, когда Казачество стало делать, может быть и неумелые, но все же более или менее самостоятельные жизненные шаги, десятилетие вооруженной борьбы с Москвой, поражения, оккупации Казачьих Земель и эмиграции больших кадров борющегося Казачества — принесли оживление в разработку казачьей истории. Явился ряд трудов, чуждых российской централистической тенденциозности, явился ряд очерков писанных казаками и с казачьей точки зрения. Идеи казачьи внесены уже в разработку казачьей истории, однако до создания большого научно разработанного кодекса истории всего казачества еще далеко.

Пробужденное народное сознание казачьих масс

настоятельно требует систематического и полного изложения казачьей истории. Пусть в истории Казачества еще многое неизвестно, неясно, неразработано, — казачьи массы нуждаются в неотложном осведомлении о известных уже основных фактах своего прошлого. Если еще невозможен сейчас обширный научный кодекс казачьей истории, то популярный, но охватывающий все Казачество и всю его историю, курс — это настоятельная необходимость настоящего момента. Казачья масса должна хоть в основных чертах, знать свою казачью историю с казачьей точки зрения.

Создание популярного иллюстрированного курса казачьей истории, издание книги, долженствующей стать настольной у каждого сознательного казака — вот неотложная задача, стоящая ныне перед казачьими научными и общественно-политическими кругами. Задача эта не легкая, требующая большого вклада научной и организационной работы, больших денежных средств. Но казачья общественность, сознавая всю важность дела и несчислимую пользу, какую несомненно принесет Казачеству осуществление подобного издания, должна ныне решиться на организацию его.

Нижеследующие строчки этой статьи являются изложением мнения автора относительно того, какова должна бы быть популярная история Казачества, и каким способом можно было бы осуществить ее издание.

1. История должна охватывать всю прошлую жизнь и современное состояние всех казачьих коллективов, как существовавших, так и существующих.

2. История должна быть написана простым языком и популярно-научным способом изложения, однако без злоупотребления крайней „популярностью“.

3. История должна быть написана с максимумом научной объективности, и с критической оценкой материалов и данных.

4. Казачество — в истории творящий и живущий субъект, а не объект и дополнение к чужой, неказачьей истории.

5. Наиболее характерные документы должны быть приведены в тексте или в добавлениях к истории с абсолютной точностью, и, по возможности, в виде фотографических снимков.

6. История должна быть богато иллюстрирована:

- а) портретами вождей Казачества и исторических личностей;
- б) изображениями казачьих гербов, флагов, клейнодов, знамен, оружия;
- в) фотографиями казачьих столиц и исторических местностей;
- г) картинами казачьих типов и казачьего быта;
- д) фотографиями произведений казачьего искусства;

е) снимками старинных карт Казачьих Земель и ориентационными картами к историческим событиям.

7. Образцом внешней стороны издания могла бы до известной степени служить иллюстрированная „История України“ Грушевского.

8. Размеры книги должны быть не меньше тридцати печатных листов, ибо в меньшей книге невозможно было бы более или менее обстоятельно изложить историю всего Казачества.

9. Книга должна с внешней стороны иметь высокоэстетический характер.

10. Первое издание должно быть сделано на русском языке, следующее по украински.

11. План истории мог бы быть следующий.

I. (3 листа). Предистория Казачества и Казачьих Земель. Степная и Тмутараканская Русь до татарского нашествия и упадка Киевско-Русской Державы.

II. (6 листов). История Казачества Западного, Украинского.

Казачество украинское: Городовое, Слободское, Запорожское, Задунайское, Банатское, Бугское, Екатеринославское и др.

III. (6 листов). История Казачества Южного, Кавказского:

Черноморско-Кубанское, Азовское, Кубанско-Линейское, Гребенское Кавказско-Линейское, Терское. История Кавказских Горцев.

IV. (8 листов) История Казачества Восточного:

Донское, Волжское, Астраханское, Яицкое, Оренбургское и др. История Калмыцкого народа.

V. (3 листа) История Казачества Сибирского:

Сибирское, Семиреченское, Енисейское, Красноярское, Якутское и др.

VI. (2 листа) История Казачества Дальневосточного:

Забайкальское, Амурское, Уссурийское. История Бурятского народа.

VII. (1 лист) Общий обзор современного состояния Казачества. Выводы... Библиография.

VIII. (1 лист) Статистические таблицы современного состояния Казачьих Земель, территория и население.

12. Осуществить издание должна организация „Вольного Казачества“ создавши, как из своей среды, так и из специально приглашенных лиц, особый Комитет по изданию истории Казачества.

13. Комитет из своего состава должен выделить специальную редакционную комиссию, которая детально разработала бы план издания и поручила бы написать отдельные части или главы тем или иным авторам. Окончательное редактирование всей истории должна произвести редакционная комиссия.

14. Для техники издания Комитет должен выделить издательскую комиссию.

15. Для денежной стороны издания Комитет должен выделить финансовую комиссию.

16. Для изыскания денежных средств на издание Комитет должен:

- а) организовать фонд издания истории обратившись с соответствующим воззванием к Казачеству;
- б) организовать предварительную подписку на историю среди Казачества;
- в) обратиться за финансовою помощью к организациям, как казачьим, так и неказачьим, сочувствующим делу издания истории.

17. Приступить к организации издания Вольное Казачество должно бы по всестороннему обсуждению дела и не откладывая его в дальний ящик. События идут быстрым темпом и своевременное появление истории может быть вдвойне ценным.

Шамба Балинов.

О чем заботятся руководители Калмыцкой Автономной Области.

Передо мною „калмыцкая“ газета „Танггчин Зянге“ от 25-го октября 1928 года № 67 (101). Об „усовершенствованном новом письме“, „калмыцком“ языке этой газеты я уже писал. Не буду поэтому повторяться. Но, следует заметить, что чем дальше, тем хуже становится и язык и письмо газеты. Обычно всякое нор-

мальное дело с течением времени, улучшается, прогрессирует, а тут замечается обратное явление — регресс. Но самое худшее — это то, что все пишущие в этой газете калмыки-коммунисты перестали думать и мыслить по-калмыцки. Из всех писаний в газете с несомненностью вытекает, что все пишущие в ней мыслят

и статьи свои составляют по-русски, а потом излагают их по „калмыцки“. Получается ни по русски, ни по калмыцки, а подлинно по коммунистически.

О чем же пишут в этой газете калмыки-„коммунисты“, ныне руководящие калмыцкой жизнью в „советском раю“? Как и подобает правоверным коммунистам, конечно первым делом они пишут о мировых вопросах, работают так сказать в планетарном масштабе. В данном номере много внимания уделено забастовкам в Германии и Польше, при чем эти забастовки газетой рассматриваются как начало „мирового пожара“.

Для характеристики стиля данной газеты и направления мысли пишущих в ней приведем выдержки из статей в переводе с калмыцкого на русский.

Газета призывает калмыков внимательно прислушиваться к происходящей в Европе борьбе рабочего класса с капиталистами, так как от исхода этой борьбы зависит судьба „мировой революции“. Если эта борьба окончится победой рабочих, то

... „наша власть распространится по всему свету... Если, идя этим путем, мировой рабочий класс разобьет своих богачей, тогда солнце рабочего класса едино будет блеснуть в мире... Поэтому мы должны поддержать и скотом, и деньгами, и советом, и указанием эту борьбу, ведущуюся рабочим классом Германии и Польши, встречая на своем пути огромные трудности и истекая кровью...“

Бедный калмыцкий люд, собирающийся помочь рабочему классу мира, а сам хронически голодающий в „советском раю“!

Дальше передовик газеты без всякого дипломатического прикрытия, называя вещи собственными именами, совершенно верно указывает на действительную работу Коминтерна, точно определяет его задачи.

... „Всякой борьбой рабочего класса, в какой бы стране мира она не происходила, руководят наши красные (коммунисты)... Эта борьба (забастовка в Германии и Польше) является осуществлением решения 6-го Съезда Коминтерна, состоявшегося этим летом в Москве... По указаниям, данным этим Съездом, теперь ведется эта смута, происходящая в Германии и Польше...“

Не переусердствовали ли послушные рабы Коминтерна? Похвалит ли редакцию „начальство“ за такие признания?

За передовой идет большая (по размеру газеты) статья некоего М. Н. на эту же тему. Он начинает с объяснения того, почему до сего времени рабочий класс мира не поднимался на своих богачей и не рассчитался с ними, как рассчитались русские рабочие. По мнению автора одной из главных причин этой задержки являются

„социал-демократы, приносящие пользу богачам, льющие им, пускающие пыль и золу в глаза рабочих, дурачащие и обманывающие рабочий класс... Если не было бы их; если бы рабочие всего мира пошли бы за коммунистической партией, то давно уже рабочие рассчитались бы со своими богачами... В силу присутствия этого промежуточного врага, с.-д., час расплаты еще не наступил. Но этот час настанет... Теперь в Польше 150 тысяч текстильных рабочих восстали... Эти 150 тысяч рабочих составляют одну шестую часть рабочего класса Польши. Одна шестая часть рабочего класса одной страны уже восстала! Что будет дальше? ... По мнению Коминтерна и остальные пять частей рабочего класса Польши должны последовать примеру первых. И они при помощи польского крестьянства и при поддержке рабочего класса мира должны перерезать горло польским богачам. В конце концов это случится...“

Так определив цель забастовки в Лодзе, автор следующими словами определяет состояние умов польского общества:

... „Когда поднялись рабочие, собаки богачей (так автор определяет всех не рабочих), живущие в г. Лодзе очень испугались. Польские с.-д. близки к панике. Богачи растерялись... Однако они надеются, что власть станет на их сторону. Надеясь на это, такие собаки, как Малаховский (Лодзинский

военачальник), Зементский (Лодзинский городской голова), Бартель (один из видных представителей власти) спокойны... Все же эта маленькая собака (Малаховский) выехал в Варшаву советоваться с барбосами о мерах подавления рабочих. Возможно, что вернувшись из Варшавы в Лодзь, эта собака направит оружие против рабочих. Но направленное к ним оружие рабочие могут повернуть обратно против богачей и с.-д. Это будет означать, что борьба между рабочими и богачами в Польше уже началась...“

И, вероятно, по мнению автора статьи, калмыки должны придти в восторг от этого ожидаемого их в близком будущем счастья, ведущего их от „советского рая“ к „мировому пожару“. Спрашивается — какая цель этой галиматии? Автор, если он не рехнулся, должен знать, что ни один калмык подобной бредни не станет читать. Если кто и прочтает, то ни одному слову этого писания не поверит, ибо у калмыка составилось твердое убеждение, что коммунисты могут только лгать и обманывать. Ярким подтверждением этого убеждения является сама газета „Т. З.“, одна из страниц которой почти целиком занята описанием „художеств“ коммунистов-руководителей, царящего среди них нрава, быта. С такой чушью к калмыкам может обратиться или круглый дурак или политический жулик.

Всякий человек, если он не упал с неба, должен знать, что калмыку ни до „резания горла“ богачам, ни до „мирового пожара“ нет никакого дела. Он должен знать, что калмык день и ночь молится о скорейшем заходе „солнца рабочего“.

Автор, видимо, знает это настроение и желание калмыка (значит он не дурак, а жулик), потому что под статью не посмел подписать свою фамилию, ибо за такой призыв ни один честный калмык по головке его не погладит.

Как известно вся жизнь СССР заполнена всевозможными проектами, планами мирового масштаба. Видимо и Калмыцкая Область усиленно занимается подобными проектами. Так г. Карвин Л. в большой своей статье предлагает проект улучшения хозяйственной жизни калмыков. Что по мнению автора статьи может улучшить эту хозяйственную жизнь? Он как мудрец изрекает только „истины“. И невольно при этом вспоминается герой Чеховского рассказа, изрекавший неизменно общеизвестные истины, вроде — „взбираться на гору труднее, чем спускаться“. Первая его „истина“:

„По моему, если будем работать, наше дело исправится“. Истина давно открытая и всем известная. Но к несчастью она в условиях советской действительности превратилась в свою противоположность. Ведь советская практика выработала другую „истину“: кто не работает, а подхалимствует, тот достигает, и без всякого хораший работник, честный труженик, приобретший себе пару волов, попадает в число „кулаков“, а приобретший две пары волов — попадает в категорию преступного элемента, врагов существующей власти.

А вот и практические меры, предлагаемые автором проекта:

„Надо сжечь черные калмыцкие кибитки и завести русские теплые дома; надо устроить город, куда насильно вселить кочующих калмыков; нужно создать культурные (доходные) хозяйства; отказаться от малоценного скота и завести молочный, мясной и вообще драгоценный скот; надо развить просвещение, создать сеть сельско-хозяйственных школ; привить среди калмыков сеян timer кормовых трав, корнеплодов, развить садоводство, огородничество, виноградарство и т. д.; обзавестись тракторами, сельско-хозяйственными машинами и орудиями и т. д. и т. п.“

Он даже производит подсчет, какое количество земли надо, сколько и чего и как должно сеять отдельное, по его проекту созданное, будущее калмыцкое рациональное хозяйство,

„думающее иметь 500—1000 тонкорунных овец, 100—200 улучшенной породы коров, 100—200 таких же лошадей...“

Неправда ли, все эти истины давно всем известны и народы, нескованные крепкой цепью ГПУ, давно это делали и делают, достигали и достигают прекрасных результатов в этой области. Что же, по мнению автора проекта, мешает осуществлению этого проекта? Думаете — хозяйственная система советской власти, стригущая под одну гребенку всех и в корне убивающая всякую хозяйственную инициативу? Ничуть! По утверждению автора всему этому мешает...

„Обширность территории Калмыцкой Области!“
Поэтому:

... „оставив себе земли Манычского и Больше-Дербетского отделов, от всей остальной земли надо отказаться и сдать ее в казну. Если мы отдадим эту землю, то центральная власть даст нам большие деньги наличными для создания поселения...“

Редакция газеты к этому месту статьи делает примечание:

„А советская власть покупает земли?“

Видимо, если представилась возможность, то и Редакция согласна отказаться и продать часть территории Калмыцкой Области. Чем это не Крыловская басня „Тришкин кафтан“? Что это — добросовестное заблуждение или сознательный обман народа; провокация или глупость? Когда, где и какой народ добровольно отказывался от своей земли? Где, когда и развитие какого народа задерживал простор земли, т. е. богатство? Зачем силой ГПУ заставлять калмыков изведать неизвестную им „хорошую“ жизнь в будущем за счет разорения их в настоящей? Не лучше ли просто показать калмыкам эту так манящую Карвина хорошую жизнь

хотя бы в какомнибудь маленьком уголке Калмыцкой Области, что бы они добровольно восприняли ее? Не скажет же г. „товарищ“ Карвин, что калмыки не способны добровольно воспринять хорошее, что есть в жизни? Этому противоречили бы все факты жизни из недалекого прошлого калмыков, когда они с жадностью стремились к просвещению, питали глубокую веру в науку, образование; когда калмык на последние свои деньги отдавал своего сына или дочь в средние учебные заведения и возил их в город за сто верст; когда он с удивительной быстротой усваивал и с достаточным умением вел свое земледельческое хозяйство.

Правда, теперь всего этого нет. Хозяйственная воля калмыка скована, вера убита большевиками и калмык доведен до того состояния, когда „хлеба нет, а в этом году и вовсе ничего не сеем, потому что земля крепка“. (Из письма калмыка из Автономной Области).

Продать часть территории, чтобы улучшить остальную. За счет одной части облагодетельствовать другую... Мысль замечательная, цель благородная... Но отсюда до логического абсурда всего только один шаг. В самом деле, почему г. г. коммунистам не продать часть калмыцкого населения, чтобы улучшить жизнь остальной части? Ведь цель то благородная. Ведь при монополии власти, когда на всей земле СССР безгранично царствует право силы, а не сила права, все можно сделать. Или нет покупателя на калмыков, как печалует редакция газеты относительно продажи калмыцкой территории?

(Окончание следует).

А. Стремяной.

Из жизни красной армии.

Политзанятия.

В красной армии большое внимание уделяется политической подготовке бойца, которая ведется в строго коммунистическом духе. С этой целью во всех войсковых частях и учреждениях — не говоря уже о военных школах, — введены „политзанятия“, заменившие старую „словесность“. На политзанятиях особые „групповоды“ натаскивают красноармейцев по разным политическим вопросам, обыкновенно приуроченным к „текущим событиям“. Расписание таких занятий составляется „на верхах“ и рассылается в части „к неуклонному исполнению“ на каждую неделю.

Темы политзанятий самые разнообразные. Например: Международное положение и задачи Коминтерна, красная армия и советы, рационализация производства, подготовка квалифицированной рабочей силы, хозяйственные итоги 1927—28 г.г., колхозы, госзаимы, всесоюзные индексы цен и т. д. и т. д.

Во время бесед с красноармейцами политруки и групповоды изо всех сил стараются поселить в своих слушателях чувства ненависти и вражды ко всем „империалистическим и капиталистическим державам“; в особенности же к ближайшим соседям — Польше и Румынии, которые, якобы, только ждут подходящего момента, чтобы разгромить „рабоче-крестьянскую“ республику. Попутно, конечно, говорится, как „международные акулы“ угнетают в своих странах рабочий класс, который с надеждой и упованием взирает на СССР.

Для образца приведем недельные беседы о Польше, Румынии и Прибалтийских государствах.

Красною нитью через все беседы проходят „миролюбие СССР и враждебность буржуазии“ перечисленных стран. Само собою разумеется, что острие советских политруков направлено главным образом в сторону Варшавы.

Согласно заранее составленного и присланного к руководству расписания, групповод во время беседы о Польше должен „доказать“ красноармейцам, что Польша является крупным и сильным врагом СССР, что она

готовится к борьбе с СССР и что с ее стороны СССР угрожает сильная опасность“.*)

И дальше следует ряд пунктов, развивающих эту основную мысль. Отметим главнейшие из них. „Польша содержит сильную армию, главным образом, для борьбы с СССР.“

„Польша является послушным орудием в руках Англии, и польская армия по приказу Англии может быть брошена против СССР.“

„С приходом к власти Пилсудского, усилилась военная опасность“, потому что „Пилсудский, под руководством Англии, усиленно готовится к войне с СССР, стараясь создать антисоветский блок из всех соседей СССР.“ В доказательство делаются ссылки на Польско-Румынский военный союз, переворот в Литве и т. п.

С цифрами в руках групповоды стараются вдолбить красноармейцам, что Польша содержит непомерно большую армию по сравнению с красной армией. Чтобы эти цифры навсегда запечатлелись в мозгах красноармейцев, групповоды заставляют их решать задачи, вроде таких:

„Во сколько раз приходится больше солдат на 1000 кв. км. в Польше, чем у нас? б) Во сколько раз больше военных расходов на душу населения? в) Сколько самолетов в авиаполку, в дивизионе, в отряде?..“

Экономическое положение Польши рисуется в весьма неприглядном виде, за то „советские достижения в области народного хозяйства и индустриализации страны“ разукрашиваются самым бесовестным образом. Все это, конечно, иллюстрируется дутыми цифрами. Красноармейцы хорошо знают тяжелое положение деревни и города; поэтому едва-ли питают какую-либо веру к цифрам и словам политруков.

Нечего и говорить, что положение польских рабочих и крестьян истолковывается на политзанятиях в извращенном виде. Забывая о своих миллионах безработных и беспризорных, групповоды все время талды-

*) Места, заключенные в кавычки, взяты из расписаний, напечатанных в „Военном Вестнике“. А. С.

П. Нос.

Восстание казаков станицы Новоминской.

(Как это было).

Теплый апрельский день 1918 года. Все оживает после долгого зимнего сна. Но казаки хмуры, не веселы. Советская власть дала уже хорошо почувствовать себя. Казаки недовольны советской властью. Иногородние (русские) ликут, казаки тайно собираются, говорят и организуются. Не раз и я с есаулом Б. спал в степи под скирдой соломы. Только там в степи свободно дышала казачья грудь, только там казак чувствовал себя свободным — вольным. Над станицей нависали тучи и вот-вот должна была разразиться гроза.

В конце апреля последовало распоряжение о мобилизации четырех последних годов присяги казаков и не казаков. Не охотно собирались казаки во двор станичного правления. Но что делать. Мало по малу, собралось много. Начался митинг, рассуждали как быть, куда идти и зачем. Решено было спросить по телефону разрешение у комиссара отдела, чтобы послать по соседним станицам по несколько человек и узнать, как поступают те станицы. Разрешение было получено.

Поскакали казаки по разным дорогам в станицы: Староминскую, Шкуринскую, Каневскую, Новоцербинскую, Новодеревянковскую и другие, но не с тем, чтобы узнать их решения, а с тайным наказом о том, что казаки станицы Новоминской выступают в эту ночь против советской власти и их, казаков других станиц, просят сделать то же самое. Из уст в уста передавалось это распоряжение среди казаков станицы. Интересно то, что ни один иногородний не знал этого.

Место собрания было назначено за станицей в Сухой балке. Томительно проходит этот день в ожидании вечера. Я, подрезав по большевицки хвост своему коню, ездил по станице, передавая распоряжение о выступлении.

Наступили сумерки. Мертвая тишина кругом.

Обгоняю нескольких пеших казаков. Кричу, кто? Отвечают: свои, казаки! Подъезжаю к месту собрания. Собралось около четырех сот конных и пеших казаков. Есть и подводы. Становится как то радостно. Дрожь пробегает по телу.

Решено, что есаул Ф. будет командовать конным дивизионом, а пешей сотней сотник Ш. Подается тихая команда: по коням. Садимся и выстраиваемся. Делается расчет. Слышу голос есаула Ф. Это первая сотня, а то вторая. В сотнях по сто пятидесяти всадников. Ну, думаю, Слава Богу. Хорошо.

Вооружение то наше было очень плохое. На сотню было только по несколько винтовок. Шашки, правда, почти у всех были.

Пешая сотня отправилась вместе с обозом по за станицей на станицу Новодеревянковскую. Расчет был сделан так, чтобы к рассвету сотня подошла к станице. Первая сотня отправилась к станице. Предполагалось, что на станице сложено отобранное у казаков оружие. Вторая же сотня, оцепив церковную площадь и правление, сделала перетруску в последнем. Но, за исключением трех-четырех винтовок, которые находились около станичной кассы, больше не было найдено. Забрав почтово-обывательских станичных лошадей, вторая сотня присоединилась к первой и вместе сделала атаку на станицу. Но и на станице оружия оказалось мало. Проверив документы у пассажиров, находившихся в станице и смотревших на нас с недоумением, дивизион отправился по дороге на станицу Новодеревянковскую. По дороге казаки шутили между собою и много смеялись.

На рассвете мы входили в станицу. Проснувшиеся станичане выскакивали на двор, подбегали к забору и, недоверчиво оглядываясь в стороны, спрашивали:

Вы яки-ж будете? Коні у вас не такі, як у большевиків. Тай дивитесь ви не так, як большевики.

Отвечали им коротко: Мы — казаки.

Подойдя к церковной станичной площади, оцепив ее и правление, арестовали местную милицию, где и подготовили свое вооружение. Казачки, несшие что нибудь с'естное на базар, чтобы продать, заносили его к нам и, спрашивали:

А хто ви такі, відкіля ви?

И здесь уж казаки входили в подробности.

Начальство наше, что то, с кем то переговаривало. Зазвонили церковные колокола тревогу. Народ собрался во двор станичного правления. Оцепление по прежнему стояло на своих местах. Я получил приказание перерезать телефонные и телеграфные провода и арестовать начальника почты. Все мною было исполнено в точности и там же я вооружился наганом офицерского образца.

Новодеревянковцы решили присоединиться к нам и вместе с нами отправиться на станицу Копанскую. Тучи, перегоняя одна другую, сгустились над станицей. Ударил гром и полился проливной дождь. Но через два часа вновь засияло солнышко и казаки с песнями вытягивали свои ряды по дороге на Копанскую.

Казаки станицы Копанской также восстали и с радостью встречали казаков станиц Новоминской и Новодеревянковской. По улице, по которой проходили мы, Копанцы выстроились шпалерой для встречи своих, как они говорили. Станичный Атаман с булавой в руке, с хлебом и солью встречал наш отряд. Громкое, несмолкаемое ура! долго разносилось по станице. Радость охватила каждого казака.

На школьном дворе были устроены кухни для варки пищи отряду. Гимназистки и учительницы казачки с подзасученными рукавами бегали вокруг котлов и приготавливали ужин. На ночь были выставлены посты. Ночь прошла спокойно.

С восходом солнца отряд двинулся на станицу Ясенскую.

В станице Ясенской казаки также восстали. Здесь же находился назвавший себя под'есаулом (фамилии которого не помню и заявивший, что он прислан от добровольческой армии для поднятия восстания и руководства таковым. Нас расставили по квартирам. Несколько дней шло формирование полков. Артиллеристы и пулеметчики были выделены из полков и оставлены при главном штабе восставших.

По сформировании отправились к Ейску. Получаем приказание захватить Ейск. Ейск обошли почти кругом. На рассвете дан знак ракетой к наступлению. Охватываем окраины города. Страшная ружейная и пулеметная стрельба со стороны противника. Но задержать казаков это не в силах. С криком и гиком казаки понеслись на окопы. Взятые первые окопы, вторые и третьи, взяты пулеметы и орудия, а управлять ими некому, так как люди эти выделены из полков и оставлены при штабе.

Поняли казаки, что их обманули, что они попались в руки изменнику и начали поворачивать коней обратно и отступать. Сдавшиеся красноармейцы, увидев, что казаки уходят обратно, стали приходить в себя и начали стрелять по отходившим казакам.

Много пало казаков геройской смертью под городом Ейском. Но не одна тысяча и красноармейцев наша смерть там же от казачьих рук.

Так неудачно окончилось восстание казаков станицы Новоминской.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Сергей Макеев.

Подслушанные разговоры.

— Здравствуйте, полковник!
 — Желаю здравия, ваше превосходительство! Как поживать изволите?
 — Благодарю. Дышу. На посох опираюсь.
 — Работаете где?
 — Какже, какже, батенька, еженочно.
 — Почему же не ежедневно?
 — Да потому, что планжером работаю в ночном кабаке... да-с!
 — И ничего?
 — Вполне ничего. В станицу приеду, еще жену буду учить, как нужно посуду мыть.
 — Ну, а вообще, что нового?
 — В нашем болоте ниче-го!.. Не были вчера у лейб-игреков?
 — Что вы, ваше превосходительство, разве я особа титулованная? А что у них было?
 — Какже, бал какой то... очередной.
 — Вас не приглашали?
 — Стула лишнего для казачьего генерала не нашлось, а то-бы пригласили пожалуй. Хе! хе! хе!
 — Вероятно весело справили?
 — Говорят, что не вредно. Вся знать была. Барон Иксберг мне говорил.
 — Ну, положим, он такой же барон, как я Сиамский король!
 — Химический, как козули называют? Ну, все же, в ихних то приемных книгах бароном числится, а это уже билет на право входа, паспорт, батенька мой, не то, что Нансеновский сертификат! Хе! хе! хе!
 — Они то праздники справляют, то панихиды служат...
 — Тревога, батенька, по всей линии. Не везет...
 — А читали последний номер „Вольного Казачества“?
 — Какже, какже батенька, конечно читал. Молодцы, право молодцы, рубят по казачьи!
 — И дело делают!
 — Дай то Бог!
 — Ну всего лучшего, ваше превосходительство! Я на работу тороплюсь.
 — С Богом!.. А я счастливее вас — спать иду...
 — Здравствуйте, князь!
 — Здравствуйте граф, Петр Андреевич! Что это вас не видно было вчера?
 — В Париже был, только приехал вчера.
 — Жаль, жаль! А весело погуляли у лейб-игреков! Спрыснули на славу!
 — Много народу было?
 — Как всегда! Весь бо-монд!
 — Князь Сосульские были?
 — И Сосульские, и графы Мосульские, и бароны Иксберги, и фоны Игрберги, и маркиз Чехантини, даже старый князь Зетгородский приезжал...

— До поздна?
 — До последнего поезда. Тяжеленько разошлись. Хан-бек так по ошибке в шляпу... хе! хе! комедия, знаете-ли!
 — До свидания, князь! Привет княгине!
 — Спасибо, до воскресенья! У них опять бал, говорят грандюк будет...
 — Да, да я уже получил... непременно буду.
 — Здравствуйте, графиня!
 — А, княгинюшка Марья Васильевна! Что с вами? Вы больны?
 — Нет, Бог хранит, а вот детишки заболели.
 — Что с ними?
 — Простудились... Сыро... Разве здесь климат!
 — То-то вас не видно было вчера!
 — У лейб-игреков-то? Ох, уж и не гонорите! Такая досада!..
 — Очень мило было. Чудно! Восхитительно! Превосходно! Весь барак был украшен флагами, гирляндами, портретами августейших особ... А как пели!! Ах, как пели!! Я плакала... Так приятно было слышать гимн...
 — И музыка была?
 — Конечно! Лейб-Провушка сигналы играл, с флюсом бедный... ах, как мило! Все смеялись.
 — Танцевали?
 — Как всегда! Мужиковато у них выходит, ну да ничего, отшлифуются.
 — Ах, вот и остановка! Досвиданья графиня! Привет графу!
 — До свиданья, княгиня! Привет князю! В будущий праздник увидимся...
 — Баронесса, голубушка, что с вами? Вы так бледны?
 — А, мадам де Веранда! Здравствуйте, солнышко! Устала. Нездоровится. Всю ночь гуляли в Энке у игреков.
 — А что это в корзине? Дайте, я помогу вам! О, хо! хо! Тяжеленько! Вино, что ли?
 — Нет, солнышко, закуски и зелень. Вина прямо бочку привезут.
 — Для кого-же это, голубушка?
 — Да десяток игреков с иксиками приедут сегодня. Напайте ка эту ораву?!
 — А иксики неразлучно с игреками?
 — Да! Они то и служат украшением, а то ведь одни то игреки и грубоваты и скучноваты...
 — Непременно приду к вам, непременно. Пенье послушать...
 — Глинтвейн сварим... он покрепче, скорее напьются, а тогда проще и лучше...
 — Вполне понимаю, голубушка!
 — Ну, до вечера солнышко! Дайте я поцелую вас.
 — Ах!.. голубушка...

Думы и мысли казачьи.

Первый.

... Проходили дни. Слагались в недели, месяцы... И годы. И уж потерял было и счет годам изгнания. Да и к чему их считать было?... Какой толк?!.. Будут такие же, как и были. А принесут с собою то же, что и прошлые принесли: ничего.
 Одна за другою оборвутся нити, еще связывающие с теми, с кем был... А и их то осталось немного и — не надолго...
 И — конец Казаку.
 ... Кругом все чужие, чуждые люди. Они видят во

мне то, что для них я сей час есть. Они требуют ассимиляции. Они поглощают...

Ночи мучают кошмарными снами из прошлой яви, из современной „Бы ли“. И... и там все чужие, чужие... И нигде своего! Ничего своего! Ни там, ни здесь, ни — в прошлом, ни — в будущем...

В первые годы еще кое-как тешил, иль жалел себя песнями. А от них прорывались слезы... Судорожные, безудержные...

Скроешься где-нибудь, как затравленный зверь. Стиснешь зубы. Вцепишься пальцами в голову... И — плачешь. И плачешь не как человек, а как зверь. Затравленный, загнанный, обреченный на беславную гибель...

Потом и плакать стал все реже и реже. Чужим, не живым казался свой голос. Чужими — слова.

Хозяева, как — хозяйева: дай мускулы. Дай мозг. С-о-о-течественники „rusi“... Прости мне, Боже! Укрепи меня в вере, что я ошибаюсь!.. Но я никогда, никогда не почувствовал от них ничего, чтобы шло от сердца — к сердцу!

Приотившие требуют мускулы и мозг и за него кормят. Эти — берут без откупа и самую душу! Грабят у меня мое я! И „непомнящим Иваном“ подменяют во мне Казака. Святое Святых мое облачают в холлопский кафтан. И цедают сквозь зубы:

— Служь... Безоговорочно... И сейчас. И в будущем...

Сколько раз хотелось крикнуть Братьям, в расеянии сущим. Крикнуть во мрак:

— Гибнем!.. Так хоть — вместе!.. Казаками!

... Но от прежних „Вождей“, от „Учителей“ своих слышу:

Ты — пережиток.

Но я же еще не умер. Я не хочу сам по себе петь отходную!

... Каждое Божье творенье живет, развивается, под своим, ему одному присущим именем. Мне и в этом отказано.

Свернись и пропадай под кличкой, какая кому придет в голову...

И пропадай — навсегда..

Такие ли годы считать?...

... И вот, по одной сохранившейся еще „нити“, дотелел до меня синий журнал: „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“...

Раскрыл его... О! Слезы-радостницы, слезы сына, припавшего к груди старушки-матери, первыми отозвались на призыв. Пали на строки... Пленкой жгучей покрыли глаза...

Не нужны они мне... Я вижу. Сердцем читаю, что сердцем написано...

— Родные... Родное..

И будто не бумагу держу в трясущихся руках своих. Но — Землю Кубанскую. Землю с могилы отцовской... Она зовет меня!.. Кровью своею зовет. Слезами моей матери зовет к себе...

... — Тебе, Единой!.. Тебе, Земля Родимая, посвящаю мученические дни свои! Ты, Единая, оправдание самого бытия моего... Чист и ярко светильник, зажженный Тобой и непоколебима, крепка вера моя!..

Не перевелись Казаки. Не самоуничтожились Казаки.

Другие же нас не уничтожат.

Никогда!

Вл. Куртин.

Дифференциация.

Русские империалисты различных степеней, как из числа монархистов, так и республиканцев, обычно выдвигают как неоспоримую истину, положение: выгоднее и удобнее быть членом большого государства, чем составлять небольшие. Между тем это положение весьма относительно. Ни обширность территории, ни многочисленность населения нельзя признавать безусловно благоприятными факторами государственной жизни. Процветание государства и благосостояние его членов зависят от комплекса множества разнообразных факторов и от способа сочетания этих факторов, причем один и тот-же фактор в данное время и при данных обстоятельствах является благоприятствующим, а в другое время и при других условиях приобретает отрицательное значение. Разумеется, выгоднее и удобнее

быть членом большого, сильного, богатого и благоустроенного государства, чем составлять малое, слабое и не благоустроенное, но, конечно, гораздо лучше составлять небольшое, богатое и благоустроенное, чем быть членом большого, неблагоустроенного и бедного.

Переходя от этих общих рассуждений к Украине и другим частям б. Российской Империи, которые стремятся к государственной самостоятельности, против чего борются русские империалисты, надо заметить, что территории Украины и Казачества вовсе нельзя назвать малыми.

Затем является вопрос, возможно-ли при современной общей политической структуре сколько-нибудь прочное существование такого большого государства, каким была Российская Империя или каким является хотя-бы СССР? Если в прошлом было возможно соединение под одним государственным кровом самых разнообразных элементов, примерами чего были Россия и Австро-Венгрия, то теперь подобные концепции государственных организмов невозможны. После мировой войны Австро-Венгрия, как известно, распалась на несколько государств и Российская Империя пошла по тому же пути: не только на части ее бывшей территории обновилось и возникло несколько самостоятельных государств (Финляндия, Латвия, Эстония, Литва и Польша), но и СССР представляет собой, по крайней мере на бумаге, не единую республику, а союз республик. Б. Российская Империя обнаружила тенденцию дифференциации, но большевики сделали попытку связать во-едино стремившиеся к самостоятельности части, победить насилем освободительные стремления, объединив все разнообразные части б. Империи под одним общим коммунистическим куполом.

Русская эмиграция много пишет и говорит о низложении большевиков, но 10 летний опыт доказывает, что пути, по которым она идет, не ведут к цели. Много поворится о „свободе“ и о „свободной России“, но о какой же свободе может быть речь, если стремиться, по примеру большевиков, к сколачиванию из разнообразных территорий и групп населения — вопреки воле этих территорий и групп — одного общего государства? Такое государство может быть лишь „Бастилией народов“, а не свободным государством. Империалисты утверждают, что территории, составлявшие Российскую Империю, связаны общностью интересов тем, что эти территории в прошлом слились в одно государство. Но если в свое время часть территорий и национальных групп, действительно, в сознании общности и единства своих интересов добровольно объединилось в государственном отношении (иные-же попали под общую крышу в силу завоевания вопреки своей воле и своим интересам) — то надо иметь в виду, что многие интересы вовсе не представляют собой чего-то неизменного в течении веков, а меняются сообразно условиям времени и изменениям в политической карте Европы, в социальной политической жизни ее, и в технике.

Русская эмиграция так много декларирующая против большевизма, вооружаясь против стремлений к государственной самостоятельности различных территорий, входивших в состав б. Российской Империи, лет воду на большевицкую мельницу. Ее пророки, упорно „танцуют от печки“, не хотят учесть происшедших глубоких перемен в мировой политической и экономической жизни, вызывающих необходимость изменения многих точек зрения и предугадывающих дальнейший ход истории б. Российской Империи по пути дифференциации ее.

А. Сидоров.

Из прошлого Казачества.

Иностранцы о казаках.

Совершенно случайно попала мне в руки небольшая (98 стр. in 4°) немецкая книжка, что то вроде географии России. Автор — Eugen von Caulaincourt. Общее заглавие книги „Das Russische Reich (Российская

Империя). К книге приложены: хорошо гравированный портрет Николая I и карта Европейской России конца первой половины XIX века. Издана книжка в Лейпциге в 1854 году.

Книга содержит сведения статистического и исторического характера о России первой половины XIX сто-

легия. Много в ней и интересных для нас сведений о Казачьих Землях.

Общее количество населения империи Николая I во всех ее европейских, азиатских и американских владениях (тогда еще не была продана Аляска) определялась в 70.000.000 душ. Население казачьих Земель было следующим:

Войско Донское	750.000 душ.
Войско Черноморское (Кубанц. без Линейц.)	125.000 "
Войско Азовское	6.000 "
Население Таганрога с окрестностями	80.000 "
Войско Уральское	60.000 "
Войско Линейское и Терское	30.000 "

Вся территория Европейской России делилась на 6 составных частей: Велико-Россия, Малороссия (западная часть ее носила название Украина, восточная — Слободская Украина), Остзейские провинции (Финляндия, Эстляндия, Лифляндия, Курляндия), Южная Россия, Западная Россия и Земля Войска Донского.

Земля Войска Черноморского (ныне Кубанское без Линии), и царство Астраханское (Астраханская, Саратовская и Оренбургская губ.) и Казанское (Казанская, Вятская, Пермская, Симбирская и Пензенская губ.), а также весь Кавказ, в тексте книги и на приложенной к ней карте отнесены все, вместе с царством Сибирским, в Азию.

Все вышеперечисленные составные части Империи Николая I на карте, приложенной к книге, разграничены цветными красками, так что карта России времен Крымской войны, весьма напоминает карту нынешнего СССР, с тем только отличием, что на карте большевизской стерты границы Казачьих Земель, которые в первой половине XIX ст. „ни к какой губернии не принадлежали“ (стр. 86).

Из всех казачьих Войск, только Войско Донское, по Коленкуру, находилось в Европе. Войско это было способно выставить 40.000 всадников, было весьма независимо в своей внутренней жизни, имея свою собственную аристократическую конституцию (hat seine eigene aristokratische Verfassung). Нечего напоминать, что и независимость Войска Черноморского не была в то время меньшей, если еще не большей.

Среди Донских казаков находилось более 30.000 калмыков кочевников.

В составе тогдашней Кавказской Армии, по сведениям фон Коленкура, находилось, свыше 16 казачьих полков донских, черноморских и линейских, а во всех казачьих соединениях, в разных местах Империи числилось свыше 50.000 всадников.

Кроме этих географическо-статистических сведений, книга фон Коленкура содержит и историческо-этнографические сведения, как о русских, так и о казаках.

Указав на отсутствие среди ученых общего и одинакового взгляда на происхождение русских, автор далее пишет, что хотя казаки и родственны русским по своему славянскому происхождению, но они отличаются от русских способом своей военной жизни, отсутствием среди них привилегированных классов, большим, чем у русских, чувством свободы и т. д. (стр. 27). Далее автор цитирует Массона, который полагает, что „казаки представляют собою, вероятно, остатки сильно смешанных племен, населявших большую часть пространства между Волгой, Доном, Черным морем и Днепром, племен, которые в московских хрониках известны под именем хозар и печенегов, непримиримых врагов древних киевских великих князей, хотя сами были славянского происхождения. Остатки этих разных этнографических групп слились с покоренными русскими под владычеством татар и с ними же делили свою судьбу до 15 столетия. После падения татарского ига остались они в своих просторных степях и жили какой-то кочевно-демократической республикой. Когда они усилились и стали опасны для соседей, крымские ханы, московские цари, турки и поляки . . . силились их покорить или уничтожить и, под конец, стремились сделать казаков своими союзниками.“

В конце XVII ст. украинские казаки признали польское верховенство, а те, что жили по Дону и на левом

берегу Днепра, подчинились русским. Но они оставили за собой свой способ управления и часть своей независимости, Те же казаки, что жили по Волге и Яику остались независимыми.

Казаки не имеют ничего общего с русскими, кроме греческой веры и испорченного русского языка. Их же нравы и обычаи, их способ жизни, оружие и способ войны, все это отличает их от русских . . . Мало-помалу они потеряли свою независимость, которую они, при присоединении к России, было обусловили. Петр I отнял у них право выбирать главу государства; позднее они стали рабами короны. Россия всегда имела в своих армиях свыше 40—50 тысяч казаков, при чем они не воевали вместе, а были растружены по отдельным частям . . .“

Эти слова Массон написал в первой половине XIX ст., т. е. как раз в то время, когда русская историческая наука становилась на ноги. В части исторического повествования слова Массона и теперь, почти через сто лет, неоспоримы. Новейшие исследования свободной науки эти слова подтверждают полностью. Но русская „отечественная“ история их „не заметила“ и удумала свою теорию о происхождении Казачества. Теория эта была удобна для идеи неделимости и „монопольности русского племени“, но с истиной она была и есть в больших неладах. Это мы здесь и отмечаем.

О. Лекса.

Когда ген. А. П. Богаевский был самостийником.

Теперешний Донской В. Атаман ген. А. П. Богаевский, как оказывается, не всегда был таким уж большим противником государственной самостоятельности Дона. Подтверждение этому находим в недавно опубликованном „Бюлетенем Гетьманской Управы“ (на украинском языке) письме б. министра иностранных дел В. В. Д. к Гетьману Украины, которое, ввиду его несомненного интереса, приводим здесь целиком:

Председатель
Совета Управляющих Отделами
и Управляющий
Отделом Иностранных Дел
Правительства
Всевеликого Войска Донского
20 июля 1918 г.
г. Новочеркасск.

Ясновельможному
Пану Гетьману Всея Украины

Нотой от 17-го июля с. г. за № 6024 Правительство Украинской Державы заявляет о неизменном желании жить в дружбе с Всевеликим Войском Донским, как с суверенной и независимой Державой; единственное препятствие к признанию Дона самостоятельным и к установлению необходимых добрососедских отношений и к разрешению вопроса о границах Украинское Правительство видит в §§ 1 и 6 декларации Всевеликого Войска Донского, в которых как будто его Правительство просит о признании Всевеликого Войска Донского самостоятельным и суверенным лишь временно впредь до образования в той или иной форме единой России.

Всевеликое Войско Донское, уже существовавшее как самостоятельное государство с 1570 по 1645 год, в настоящее время, отделившись от Советской России, объявляет себя вновь вполне самостоятельным, ни от кого независимым, окончательно определившимся и суверенным государством, и с своей стороны, стремясь к самой тесной дружбе и мирному сожительству с Украинской Державой, предлагает всем государствам признать его таковым.

Вместе с сим правительство Всевеликого Войска Донского, постоянно стремясь к поддержанию и развитию дружественного и мирного сожительства с Украинской, и признав необходимым для блага населения и развития экономических условий Всевеликого Войска Донского жить в самой близкой дружбе с Украиной, каков бы строй ни был в России, полагает, что наличие §§ 1 и 6 декларации отнюдь не должны вызывать тол-

кований о расхождении Всевеликого Войска Донского с Украиной, в случае образования единой России, а лишь предусматривать, что, если когда-нибудь возродится Россия, то и тогда Всевеликое Войско Донское, отделившееся в настоящее время от нее самостоятельное государство, соблюдая дружбу и связь с Украинской Державой, не изменит Украине своей дружбой.

Правительство Всевеликого Войска Донского, полагая, что образование единой России без Дона и Украины, этих мощных и самостоятельных государств с большими территориями и природными богатствами, не мыслимо, — считает, что §§ 1 и 6 декларации правительства Всевеликого Войска Донского отнюдь не могут служить препятствием к тесному сближению и не-

разрывной дружбе Украины и Всевеликого Войска Донского, как соседних самостоятельных и суверенных государств, идущих совместно по пути взаимной поддержки независимо от того, как бы ни развернулись события в будущем.

Правительство Всевеликого Войска Донского убеждено, что настоящие намерения помогут скорейшему и окончательному разрешению и установлению постоянных государственных взаимоотношений между двумя суверенными державами Украиной и Доном на незыблемых началах взаимности и равенства.

Председатель Совета Управляющих Отделами и Управляющий Отделом Иностранных Дел
А. Богаевский.

Международная жизнь.

На Востоке.

Не успела европейская общественность насытиться сенсационными сообщениями о гражданской войне и революции в Китае, как уже другой уголок Азии стал ареной злободневных событий не столь сенсационных, как события в Китае, но не менее богатых внутренним содержанием: в Афганистане вспыхнуло восстание.

Не так давно афганский король Амануллах и королева Сураях вернулись из своего путешествия по Европе. Королевская чета посетила все главнейшие европейские страны. Исключительное внимание европейской дипломатии, торжественные встречи и парадные аудиенции сопровождали всюду прибытие короля. Гинденбург встретил короля на вокзале! Почести, оказанные Амануллаху в Лондоне, были исключительны для английских традиций. Москва продемонстрировала перед глазами короля маневры собранных в огромном количестве частей красной армии. Король получил ордена, подарки, спускался на английской подводной лодке на дно моря, пролетел на экспрессе по Германии, подымался на аэроплане, смотрел, учился, подымал бокалы за своих гостеприимных хозяев, утратил на советской границе ряд чемоданов (ловко украденные чемоданы пропали бесследно) и, наконец, вернулся домой.

Европа и ее культура не могли не произвести большого впечатления на восточного властелина, решившего все виденное перенести домой и привить своей родине. Чуть ли не на следующий день после возвращения король начал великие реформы. Нельзя, конечно, не отдать должного его энергии и устремлениям. Но... от великого до смешного один шаг. Поспешность и неуклонность Амануллаха граничат действительно со смешным. Когда 700 народных представителей впервые были созваны на заседание вновь основанного парламента, они были введены прежде всего в большую залу, где были разложены европейские костюмы. Делегатам было предложено скинуть восточное одеяние и принять европейский вид. Через некоторое время, всей столице, Кабулу, был дан приказ — „переодеться!“ Началось переодевание. Портных, знающих европейские покроя, не хватало; платье в срочном порядке надо было выписывать из-за границы. Этим же порядком жителям Кабула вменилось в обязанность употребление при еде ножа и вилки и сиденье на стульях, вместо восточного поджигания ног. Королева, красивая афганка, воспитанница пансиона при одном французском монастыре в Дамаске, собрала кабульских женщин и предложила им снять с лица носившуюся поколениями вуаль магометанок. Многоженство было запрещено. Девочкам было предписано обязательное посещение школ и обучение совместно с мальчиками. В больших населенных пунктах были открыты гимназии и школы для подготовки офицерского состава. Армия, для регулярного комплектования которой была введена 3-летняя воинская повинность, была передана в руки советским и турецким инструкторам. Черный афганский флаг был сменен трехцветным. И, наконец, к самому королю в прошениях было приказано, вместо замысловатых восточных титулований, писать „Дорогой Король“!

Три месяца продолжались эти фантастические перемены. Все они были сопряжены с большими внутренними потрясениями для афганского народа. Прежде всего сам король перестал быть для народа королем: „монарх“ для восточного человека с первобытной психологией афганца мыслим лишь как „властелин-надчеловек“; Амануллах же созвал неведомый афганцам „европейский парламент“ и отдал ему почти 50% своих суверенных прав. Расширение народного образования, вернее введение его, — означало потерю власти и значения мусульманским духовенством. Организация армии требовала средств; король завел налоги, которые платит население вообще не привыкло; для сбора налогов нужна была регистрация населения, а нет, кажется, ничего другого, перед чем восточный человек имел бы такой ужас, как всякие переписи и регистрации. Наконец, король завел централизацию в управлении — тоже неизвестную Афганистану, т. к. его население слагается из ряда самобытных фактически ничем взаимно не связанных племен.

Народ волновался, терпел, протестовал, и, наконец, чаша его терпения переполнилась, вспыхнуло восстание. Во главе восстания стало племя, живущее на путях из Кабула в Индию, чем столица Афганистана сразу была отрезана от внешнего мира. Король вооружил для защиты одно из „верных“ племен около Кабула, но последнее, вместо оказания помощи королю, с полученным оружием в руках двинулось на Кабул. Началась жестокая гражданская война. Не последнюю роль в ней, повидимому, сыграли и турецко-советские инструктора. В прессе были уже сообщения о подбитых советских аэропланах с советскими летчиками. Положение Амануллаха стало настолько тяжелым, что он отрекся от престола в пользу брата, процарствовавшего всего три дня.

Во всем этом много поучительного. Сколь ни достойны сочувствия некоторые начинания короля, все же это восстание еще лишнее раз подтверждает, что с народными обычаями и традициями, пусть даже архаическими, всегда надо считаться. Нельзя кроить как матерью жизнь народа и в 3 месяца произвести эксперименты, достижения которых Европа завоевывала веками. Если пример молодой Турции говорит обратное, то это лишь внешнее обманчивое впечатление: реформы Кемал-Паши увенчались успехом потому, что внутреннее перерождение Турции началось давно, и Турция уже много лет стояла у дверей европейской цивилизации. Афганистану эти двери еще не по плечу.

За спиной Афганистана тоже не все спокойно. Национальное движение народов Индии отмечено еще одним этапом. Национальный конгресс в Калькуте, собравший более 2000 делегатов, вынес постановление ультимативного характера с требованием предоставления Индии прав английских доминионов и угрозой, в случае неисполнения в течение 1929 г. этого требования, перейти к отказу в платеже налогов и к открытому неповиновению английским властям. И эта резолюция является далеко не резкой: 973 делегата (против

1350) требовали немедленного объявления полной независимости Индии. Более умеренные приверженцы популярного Ганди и сторонники „политики благоразумия“ на сей раз опять взяли верх. Но... надолго ли это?

В многомиллионных массах народов Востока идет брожение вокруг вопросов самобытности и политическое форм своего бытия, т. е. вокруг того, что составляет краеугольный камень проблемы и Востока Европы.

В СССР.

Новая политика или начало капитуляции?

(К вопросу о концессиях).

Привлечение иностранного капитала для целей внутреннего строительства составляло уже давно мечту большевиков. Политика концессий — одна из фаз этого вопроса. Однако, все попытки большевиков в данной области увенчались весьма незначительным успехом. По советским же данным до 1928 г. со стороны иностранного капитала было сделано 2211 предложений. Из них 782 немецких, 223 английских, 205 американских, 174 французских, 827 — остальных. По годам — в 1922 г. было сделано 355 предложений, в 1923 г. — 607, в 1924 г. — 311, в 1925 г. — 253, в 1926 г. — 505, в 1927 г. — 196. Как мы видим, участие иностранного капитала не только не увеличивается, но наоборот, дойдя до максимума в 1923 г. (начало НЭПа) и в 1926 г. („стабилизация“), в последний год опять падает. Однако и эти цифры слишком большие.

Картина участия иностранного капитала представляется еще в более ничтожном виде, если мы возьмем цифры не предложений, но концессий фактически предоставленных. Таковых насчитывается 163, т. е. 8% предложенных. Из них наибольшее число (46) получили немцы, 24 англичане, 18 американцы, 6 французы, 6 поляки, 5 австрийцы, 8 японцы, 5 концессий смешанных, 45 — остальных. Из общей суммы 163 в 1922 г. было предоставлено 15 концессий, в 23 г. — 45, в 24 г. — 25, в 25 г. — 31, в 26 г. — 28, в 27 г. — 19. Но и этого мало: к 1/X 1928 почти 1/3 концессионных предприятий прекратила свое существование.

Если отбросить несколько концессий в области заграничной торговли советскими товарами, то к настоящему дню число функционирующих концессионных предприятий в СССР определится в 92. В 23 из них иностранный капитал не участвует, а участвуют лишь иностранные специалисты; 16 концессий смешанных т. е. иностранный капитал участвует лишь на 50%. Т. обр. на долю чисто концессионных предприятий остается 53. Величина влитого путем концессий в СССР капитала равняется 32,2 милл. зол. рублей (и только!).

Неудивительно, что такие ничтожные результаты заставили большевиков пересмотреть свои методы заманивания иностранцев и составить программу „новой концессионной политики“. Самое крупное новшество выразилось в том, что советское правительство теперь само произвело перепись предприятий и наметило области приложения иностранного капитала; в прежнее же время иностранцы сами искали области приложения своей предприимчивости. Более существенных изменений не произведено. Никаких новых гарантий или выгод иностранному капиталу новые правила не дают. Концессионные предприятия и дальше будут оставаться таким же посторонним телом в организме коммунистического строя, каким были до сих пор. Поэтому нет никаких данных полагать, что иностранный капитал польется в СССР сильнее, чем входил до сих пор.

Но вот недавно произошло явление, заставляющее внимательного наблюдателя задуматься. Русско-американское общество „Алторг“ заключило с „International general Electric Co.“ концессионный договор о поставках на сумму 25 милл. долларов. Договор этот прошел как то незамеченным эмигрантской прессой. Однако, в нем есть знаменательный момент: включен пункт об уплате убытков, которые потерпела американская кампания, благодаря национализации своего имущества в СССР. Вознаграждение этих убытков будет произведено путем ежегодной надбавки в течении 5 лет, на которые заключен договор, 20% к суммам, на которые делает поставки компания. Если мы вспомним неодно-

кратные и категорические заявления советского правительства о том, что довоенные долги оно никогда не признает, то возникает вопрос, что же это собственно такое? Новая „хитрая“ тактика? Измена своим „принципам“? Или признание несостоятельности этих „принципов“ и начало капитуляции? Предоставляем задуматься над этим читателю.

Т. 6.

Антисемитизм в Совдепии.

Заглавие этой заметки, на первый взгляд, может показаться невероятным и даже парадоксальным. Ведь антисемитизм и большевизм политически так же несовместимы, как царизм и антисемитизм — были вполне естественны.

И все таки, — факт, не подлежащий уже никакому сомнению, — это: прогрессивный рост антисемитизма в Совдепии за последнее время.

Могут сказать: ведь это обывательский, а стало быть, традиционный антисемитизм! Явление довольно обычное в послевоенные годы. Ведь и в Европе его хоть отбавляй. Антисемитские демонстрации имели место в Австрии, Германии, Румынии. К тому же организовала их отнюдь не чернь или „темные массы“, но известные группы университетской молодежи, проповедующей идеи расовой чистоты.

Очевидно и в России такого обывательского антисемитизма вполне достаточно. Большевизм, безусловно, содействовал его развитию и росту. Более того, по мнению обывателя антисемита — весь этот злосчастный большевизм — это дьявольское изобретение ненавидящих евреев. Весь большевицкий режим — в его глазах — держится явным еврейским засилием, тщетно маскируемым ультрарусскими псевдонимами его главных вожakov и деятелей...

Мы имеем здесь в виду не этот обывательский антисемитизм, — явление общераспространенное в наше время. Дело в том, что антисемитизм проникает уже в самую гущу большевицкой массы и начинает „подтачивать“ устои даже коммунистической партии, или точнее выражаясь, административно советского аппарата.

Этот факт вызывает тревогу среди руководящих большевицких сфер. Советская пресса, особенно „Известия“, остро реагируют на симптоматические проявления антисемитизма, особенно среди рабочих.

В этом отношении характерными являются события, разыгравшиеся недавно в Бобруйске (Минской губ.) на заводе „Октябрь“, описанные затем рабкором А. в московских „Известиях“.

На этом стеклянном заводе работала между прочим еврейка Б., ставшая жертвой антисемитических издевательств своих сослуживцев из среды рабочих. Ее били. Подставляли ноги, когда она несла раскаленные стеклянные формы. С нее стягивали юбку и раз, на сильно развед до гола, положили на скамью, а затем, сделавшие это, созывали остальных коллег, крича: — Идите посмотреть на эту жидовскую...

Наконец, было сделано заявление „по начальству“ и назначено следствие по этому делу.

И что же получилось? Женский актив — на этом заводе, состоящий, конечно, из организованных коммунисток, какому официальная комиссия доверила расследование этого дела — отказался выступить на защиту преследуемой работницы Б., мотивируя свое нежелание вмешиваться в эту историю тем, что, мол „какая-то жидовка не стоит этого...“

Как-же реагировало на эту выходку „Женактива“ большинство рабочих „Октября“? — По сообщению рабкора „Известий“, пением „Смело, товарищи, вперед!“ с довольно своеобразным рефреном: „В с е х ж и д о в и з о б ъ е м!“

Оказывается, что положение дел вообще на этом заводе не только весьма далеко от большевицкого идеала, но далеко не выдерживает критики, по сравнению с капиталистическими заводами буржуазной Европы.

По сведениям „Известий“ эти антисемитические выступления на заводе „Октябрь“, — отнюдь не являются чем-то исключительным или редким! Наоборот, — к ним весьма причастны даже комсомольцы.

В Орше, напр., председатель „союза городских служащих“, катаясь на лодке и повстречавшись с лодкою, в которой сидели три еврея, скомандовал: — „к черту с пути, паршивые жида!“ В Витебске на одном заводе, коммунист прерывал замечание председателя рабочего клуба окриком: — „Жидовская морда, ты хочешь тут над нами командовать!“

Оказывается, что волна антисемитического настроения залихватывает и народную школу: детей и учителей.

Здесь антисемитизм проявляется на экономическо-й почве. Евреи клеймятся как враги кооперации.

По заявлению „Известий“ — антисемитизм особенно силен в Белорусии. Он проник, будто бы, даже в стены местного университета.

Очевидно, географическое его распространение в Совдепии более широко. С его проявлениями приходится сталкиваться всюду, где живет еврейское население в большем количестве, напр. на Украине. Это неудивительно, принимая во внимание стихийный антисемитизм среднего обывателя, о чем упоминалось выше.

Странно и характерно, что теперь, как видно из цитированных — (отнюдь не единичных, а скорее очень типичных) — фактов, антисемитизм проник и в лоно большевицкой партии, захватил комсомол и свивает себе гнездо в советском бюрократическом аппарате на территории быв. „черты оседлости“.

И по адресу московского „центра“ уже бросаются упреки в тайной юдофобии. Ведь разгром Сталиным троцкистской оппозиции квалифицируется кое-кем, как своеобразная чистка коммунистического центра от еврейского засилья или попытка придать большевицкому ядру более арийский вид!!!

—ий.

Казачья эмиграция.

Панихида по Терском В. Атамане М. А. Караулове.

— Терское Представительство разослало оповещение казакам и казачьим организациям о том, что в воскресенье, в день рождения М. А. Караулова, после литургии состоится панихида по нем и по всем погибшим казакам.

На панихиде присутствовал Кубанский В. Атаман В. Г. Науменко и Кубанское Представительство, Терский В. Атаман и Терское Представительство, затем много казаков: терцев, кубанцев и донцов.

— В тот же день (30 декабря) в 4 часа в столовой при Земском Союзе на Неманьинной улице 26, состоялось 4-ое Литературное Казачье Собрание, на котором председателем Л. В. Зверевым было сказано слово о погибшем Атамане М. А. Караулове и почтена память его вставанием.

Была пропета Вечная Память.

Затем Б. А. Кундючковым были прочтены его стихи, посв. М. А. Караулову, а В. П. Курганским этюд-рассказ, в котором ярко и сильно изображена смерть Атамана.

После этого был очередной ряд выступлений казачьих литературных сил, в которых на этот раз приняли участие Н. Евсеев, Г. И. Назаров и другие.

Казаки в Румынии.

Большая часть казаков, попавших в Румынию, принадлежала к так называемому в то время (а время это называлось эвакуацией „русской армии“) к разряду „беженцев“ (в отличие от „армии“). Были, правда, и из „армий“ (бывшей в это время также на чужой земле), но таковых было немного.

Беженцев-казаков составляли старики, инвалиды, т.-е. уже „отвоевавшиеся“ к этому времени и теперь ходившие хромая, или вовсе без ног. После шли станичные и хуторские правления с их атаманами, помощниками и казначеями (преимущественно I Донского округа) и, наконец, Управление Окружного Атамана I Донского округа, в лице ее атамана, генерала Н. В. Черячукина. Общая цифра попавших в Румынию казаков достигала 500 человек. Первое место занимали донцы, после шли кубанцы и терцы. Было несколько человек оренбургских и уральских казаков.

Главенство над казаками (как Донским Атаманом, так и румынами) было поручено генералу Черячукину. Но ген. Черячукину пришлось главенствовать, т.-е. быть

комендантом лагеря всего четыре месяца (с декабря 20 г. по апрель 21 г.), т.-е. до того времени, пока первый беженский лагерь, бывший в одном из курортных местечек на берегу Черного моря, не был ликвидирован. Тогда ген. Черячукин, использовав свои личные, приобретенные им за время комендантства, связи, сумел выйги на свободу, а все остальные казаки после этого еще три года жили по лагерям, пока не получился общий приказ о их ликвидации. Это случилось только в августе 23 года, и только эту дату можно считать за начало самостоятельной казачьей жизни в Румынии, т.-е. жизни на своих собственных хлебах. Теперь редко где не встретишь казака, проезжая по Румынии. Бьют казаки уголь в гористой Трансильвании. сверлят землю на сондах нефтяных промыслов (Илоешти), работают на вагоностроительных заводах (Бухарест, Клуж), катаются по всем весям и городам Румынии на грузовиках и легковых автомобилях, сеют хлеб и ловят рыбу (Текуч), делают гвозди и жезь (Галац). А старики (которые теперь действительно уже старики), не могущие работать на фабриках, заводах или у частных лиц, занимаются кустарным промыслом, т.-е. делают из дров ложки, ножи, вилки, корцы, „казачков“, „гадюк“ и всякие другие безделушки. Делают, сидя в своих квартирах, и в базарные дни сбывают свой „товар“. Делают уже пять лет. Этим и живут. Некоторые казаки, усвоив румынский язык, служат по канцеляриям. Везде и всюду казаками, как честными и предприимчивыми работниками, не нахвалятся.

В „политическом“ отношении казаки Румынии не воинственны. Работая, они больше думают о своем тяжелом, зарубежном кресте. Вступать в какие-либо „объединения“ им некогда да и нет смысла, ибо они и так объединены по своему, по-казачьему. Все они думают одну и ту же крепкую казачью думушку, как бы поскорей да вместе всем от'ехать в свои родные Казачьи Края. „Матушкой Россией“ насытились до краев казачьи души, насытились также и ее „опытами“ над ними, и потому ни одна казачья душа не склонна теперь к этой „Матушке-Опекунке“. Вот какие думы сплачивают („объединяют“) казаков Румынии и подогревают их уставшие на нелегкой чужбине сердца к борьбе с зарубежными дьями. Те же думы и служат им путеводным маяком в их торной дороге к Вольным Казачьим Краям.

Большему политическому „спокойствию“ казаков Румынии способствует еще и то, что в Румынию не попало ни одного „политикана“, которым или от жиру, или от „политического голода“, или от политического скудоумия, „Лавры Мильтиада не дают спать...“

Счастье казаков Румынии — в их (т.-е. политика-нов) случаем (в добрый час сказать) отсутствию. Иначе бы казаки Румынии (как приходится казакам других стран) не знали бы, в какие „объединения“ или „союзы“ попадать...

В. П.

Из жизни казаков в Югославии.

За время рождественских праздников вашему корреспонденту пришлось побывать по казачьим станицам, хуторам и группам, о жизни которых и хочу изложить кое что на страницах журнала „В. К.“

13 января, а по старому стилю 31 декабря мне пришлось побывать у казаков-джигитов есаула И. Н. Сиволобова в селе Господинцах (Бачка) в Сербии.

Группа эта по окончании турне, побывав в старой Сербии, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине, прибыла не зимовку и на отдых в Господинцы.

В это село я приехал вечером. На станции меня встретили братья кубанцы, встретили они как своего собрата донца.

Со станции мы пошли на квартиру есаула И. Н. Сиволобова. Здесь, по случаю наступления Нового Года, мы по казачьему обычаю выпили бокал за казачество, за скорое возвращение в родные Края и за нас всех присутствующих. В это время гармонист Василий Васильевич растянул веселую наурскую, а потом и много других песен, а на все это казаки отвечали танцами. Это меня, так давно невидевшего казачьей молодежи, унесло мыслью туда — далеко, где серебрятся волны тихого Дона, вольной Кубани и бурного Терека. Мне стало так легко и приятно между своими братьями казаками и все думал, что я не за границей, а нахожусь в вольной казачьей станице.

По инициативе молодых джигитов Ефима Баева и Алексея Букреева была устроена казачья вечеринка в доме Ивана Андреевича Киселева, также казака джигита. На вечеринку пришла местная интеллигенция, барышни этого села, сербки. До квартиры Ивана Андреевича мы шли с песнями под звуки гармошки, тарелок и бубена, и нам всем не хотелось верить, что мы за границей.

Когда началась вечеринка, станцевали „гопака“ и дальше „сербское коло“. Казаки танцевали сербские национальные танцы, которым они научились без школьного учения.

Все искренно радовались, веря, что наступающий Год принесет скорое возвращение в свои родные казачьи Края.

Хочу отметить и выразить нашу казачью благодарность сербке г. Даниче Збучнович за ее хорошее и чистосердечное отношение к казакам.

12 часов ночи были встречены по сербскому обычаю тушением лампы, а по кавказскому обычаю мы посыпали пшеницей.

Наступивший Новый Год видел прежде всего казачьи танцы и песни. Вечеринка была закончена в 3 часа утра. После ухода гостей, казаки с музыкой пошли по своим квартирам.

В пути, встречаясь с местными селяками и на их просьбу заходили к ним поздравлять их. Так до квартиры есаула добрались в 6 часов утра, где его поздравили по обычаю. А по уборке своих лошадей, казаки разошлись по своим домам.

Уехав далеко от Господинцев, я долго испытывал радость, что побывал у своих казаков, где мы вместе провели так хорошо время. Не все же печаловаться. Будущее наше стоит того, чтобы думать о нем с радостью, а иногда и позволить себе повеселиться. Радость не испортит жизни.

Г. Алферов.

3-ье Литературное Казачье Собрание в Белграде.

На очередном Лит. Каз. Собрании 23 декабря выступил также генерал А. Н. Донцов, казак Астраханского Казачьего Войска (псевдоним Волгин) с чтением своих стихов.

Следует отметить плодovitость автора, издавшего уже на сербском языке книгу стихов и готовящего к печати 2 тома своих произведений, посвященных Казачеству.

Из молодых писателей Г. И. Назаров познакомил слушателей с двумя своими стихотворениями, вызвав тем самым живое внимание и заслуженный интерес.

Юбилей О. К. С. С.

4-го января 1929 в одном из помещений ресторана „Веганек“ состоялось торжественное заседание по случаю пятилетнего юбилея Общеказачьей Студенческой Станицы. Заседание открыл Станичный Атаман Д-р В. А. Кузнецов, изложивший в своем докладе задачи и цели О. К. С. С. и подведший итоги пятилетней работы ее. Члены Станичного Правления и редак. коллегии журнала „Казачий Сполах“ сделали интересные дополнения к докладу атамана.

С приветствиями юбиляру выступило значительное количество представителей общественных сил, в большинстве — казаков. Приветствовавшие отметили успешность и плодотворность работы Станицы во всех ее отраслях и выразили уверенность в дальнейшем благополучии Студенческой Станицы.

Казачья елка.

Софийской казачьей станицей на второй день Рождества Христова, 8 Января 1929 года, в помещении Русского дома была устроена детская казачья елка-вечер.

Зал и две комнаты дома были переполнены казачьей и русской публикой. Зал был декорирован только казачьими флагами. По своему украшению и подаркам, розданным детям, которых было сто двадцать семь душ, казачья елка была одной из богатых елок, устроенных эмиграцией.

Во время детских забавлений было исполнено с нашими же детьми несколько интересных номеров.

По окончании детской елки предполагалось устроить вечеринку для взрослых, но не удалось.

Неохотно расходились казаки по домам, жалко было оставлять свою дружную казачью семью, так редко собирающуюся вместе.

П. Н.

Турне хора „Платов“ по Европе.

Журнал „Волное Казачество“ неоднократно знакомил своих читателей с казачьими хорами.

Ныне мы имеем новые сведения об успехах Донского казачьего хора имени Атамана Платова.

Возвратившись в Чехословакию в июле 1928 года из Италии и давши здесь ряд выдающихся концертов в курортных городах, хор отбыл в чрезвычайно успешное, повторное турне по Румынии, где пробыл около полутора месяца. Из Румынии хор направился в Голландию, проездом блеснув одним концертом в Париже.

21 и 22 октября песнь платовцев уже раздавалась в Амстердаме. Успех сопровождал казачью песню и в Голландии, которая только теперь вплотную столкнулась с настоящим казачьим хором.

В Голландии хор „Платов“ пробыл три недели, а затем возвратился для повторного концерта в Брюсселе и Льеже.

Из Парижа хор, по настойчивым желанием Голландцев, снова возвратился в Голландию, где пробыл до 30 ноября.

С 1 по 8 декабря звуки платовцев лились уже в западной Германии, а 13 декабря хор выступал в Риме, во дворце итальянского короля; на этом концерте присутствовали: Королевская семья, правительство, дипломатический корпус.

Необходимо отметить, что в то время, как сама мысль о необходимости освежения старого, чужого репертуара встречается, повидимому, у регента С. Жарова возражения, Н. Кострюков (регент хора Платова) не боится рисковать новыми, неиспробованными на публике музыкальными произведениями. Н. Кострюков не

приучает слушателя к „обветшалому“ репертуару, а расширяет его в сторону казачьей песни, особенно привлекающей слушателей.

Свои концерты хор заканчивает одним из лучших творческих ковыльных степи — казачком, согретым мощным темпераментом и насквозь пропитанным волей к борьбе и жизнерадостностью. Ловкость, гибкость казачья окончательно завоевывает публику, которая при виде плясунов приходит в неописуемый восторг.

По своей выразительности казачья народная песня в исполнении платовцев стоит безусловно на одном из первых мест соврем. музыки, что подчеркнула и европейская публика, щедро наградив хор подарками — венками, букетами цветов со всевозможными пожеланиями, к которым мы присовокупляем свое казачье пожелание — дальнейшее расширение в своем репертуаре казачьих песен, окончательный переход на всемирную арену, выступление от казачьего имени. Только при этих условиях хор будет тем, чем он должен быть — могучим фактором пропаганды казачьего имени.

В. Г.

Концерт донских казаков в Мораве Тржебовской.

В пятницу, 14 декабря 1928 года, хор донских казаков под управлением П. Г. Жердела впервые выступил с обширной программой в Моравской Тржебове. Успех для первого раза необыкновенный.

Спокойная уверенность и присущая казакам скромность и дисциплина, чувствующаяся в каждом движении и взгляде хористов, привлекли большие симпатии слушателей. Богатый вокальный материал хора, взволнованность, теплота и порывистость, вообще эмоциональный подъем — все это заразило слушателей, которые наделили хор громкими продолжительными овациями.

Надо отметить, что организация концерта протекала в особенно тяжелых условиях, при которых организаторам К. К. Полякову и М. В. Филиппченкову пришлось потратить много сил и энергии.

В Казачьих Землях.

Перевыборы в советы.

В настоящее время в СССР совершается кампания по перевыборам советов. Эта кампания приобретает исключительно важное значение особенно в настоящий момент, когда выявляется ряд трудностей и противоречий, связанных как с напором враждебных советам сил, так и экономическими осложнениями, выявившимися особенно остро в последнее время.

Перевыборы в советы были назначены еще на осень 1927 года, начата была уже подготовка к ним, но изменившиеся тогда не в пользу большевиков обстоятельства, заставили их перенести на зиму 1928-29 г.

Подготовка к настоящим перевыборам начата большевиками заблаговременно. Организационно подготовительный период закончен. Места вплотную подошли к отчетной кампании, вслед за которой следуют перевыборы.

Сейчас хотелось бы в кратких чертах нарисовать, в каких отношениях находится власть и избиратели.

Материалы подготовительных комиссий по перевыборам в советы с достаточной утвердительною говорят о том, что, если по СССР лозунг „оживление советов“ проводится в жизнь недостаточно энергично, то в наших Краях с этим лозунгом дело обстоит совсем плохо. Тут то и сказывается своеобразие местных условий; но, конечно, нельзя все объяснить одними объективными причинами. Многие здесь зависят и от политическо организационного руководства.

Так, напр., председателей районных исполнительных комитетов, как общее правило, вербуют из дру-

Однако, несмотря на тяжесть условий, хор с честью выдержал свой экзамен.

Пожелаем ему в дальнейшем успеха и славы. Да льется и зенит казачья вольная песня по всему миру!
А. П.

Хор С. Жарова в Праге.

9-го и 10-го января с. г. хор С. Жарова по пути из Вены дал два концерта в Сметановом зале. Нет нужды описывать художественность исполнения программных номеров; об этом писались и пишутся объемистые столбцы европейских печатных органов. Достаточно отметить, что уставшие хористы вынуждены были требованиями публики петь по окончании программы бесконечное количество раз.

Регенту хора следует сделать упрек — казачьих песен в репертуаре мало. Этим, очевидно, можно объяснить, что оба раза зал не был многолюден так, как мог бы быть.

Фильм о Степане Разине.

В пражском кино „Адриа“ пятую неделю идет этот фильм и посещаемость значительна. Коробит нас глупое, не дающее уму и сердцу название фильма „Волга, Волга“... позаимствованное из ставшей слишком популярной в Европе песни. Казак усмехнется духовному облику Степана Разина, приспособленного режисером к несколько сентиментальному представлению Запада о личности атамана. Европейец останется доволен. Европейец не обманут в своем понимании Разина. Разин любит тепло смеяться, Разин любит детей, Разин — рыцарь в отношении женщины (персидская княжна). Гесь фильм, собственно, романтический эпизод атамана с персидской княжной. Остальное — красивые и живые детали к этой теме. Декоративная часть в фильме играет важную роль и надо отдать должное — эффектно. В общем фильм интересен и доставит удовольствие каждому посетителю. Если только зритель не будет придирчив и примет во внимание, что фильм — рассчитан на вкусы средней европейской массы.

Г.

гих районов и даже из городов. Несколько реже, в меньшем масштабе, это же практикуется и в отношении председателей станичных, аульных или сельских советов. Мотивируется это обыкновенно тем, что, если председателя районного испол. комитета избрать из местных людей, то он может подпасть под влияние своих родичей. Этот мотив не имеет под собой никакого другого основания, как лишь подозрительность по отношению к местным работникам. Проведенный таким образом председатель исполкома, собственно говоря, не считает себя избранным представителем, хотя бы местного пролетариата, а скорее чувствует себя ставленником вышестоящего органа власти, угодить которому он старается всячески. С другой стороны и местные избиратели смотрят на такого председателя не как ими избранного, а как назначенного сверху.

Этим положением и объясняются те безобразные явления, которые раскрыты в работе советских органов на Сев. Кавказе и в национальных „автономиях“. Административный произвол, пьянство, взяточничество, превышение власти, издевательство над населением, растраты общественных денег — во всем этом главную роль играют председатель и секретарь советских органов. Конечно, из наблюдений подобных явлений даже избирателей — бедняков вырастает недоброжелательное и критическое отношение к органам соввласти.

В прошлом хозяйственном году основной причиной хлебозаготовительных трудностей было сопротивление „кулацкой“ части станицы и села. Нынче о „кулацкой“ деятельности по этой линии поступает сравнительно мало сведений. Несомненно, что антисоветский элемент

пользуется трудностями прошлого года, но пользуется замаскировано.

Зато имеется явное усиление активности антисоветских элементов в борьбе с „социализацией“ станицы и села. Образец, — испытанное средство расплаты с сельскими советскими корреспондентами, и красный петух — новое средство, которое все чаще пускают в ход враждебные советской власти элементы. Только что закончился армавирский процесс по делу покушения на убийство селькорки Брылевой.

О ряде других убийств мы читаем ежедневно в советской газетной хронике. Поджоги и, главное, объекты поджогов, сравнительно, новы и говорят о серьезнейшем обострении борьбы в станице и селе.

На Кубани, где после студенческого заговора, о котором уже нами сообщалось, наступило „затишье“, теперь же в ряде станиц „кулаки“ произвели поджоги построек, принадлежащих или лично коммунистам или их организациям. В станице Бекешевской недавно антисоветские элементы подожгли станичную „избу-читальню“, при чем станичное „кулачество“, как пишут большевики, мешало тушению пожара и злорадно смеялось над мучениями бедняка Будылина, придавленного обрушившейся балкой, когда он спал инвертар читальни (Красн. Газета 26 г.). В ст. Клетской — (Дон) стреляли в учителя — общественника Раевского, а в хуторе — Дубавском (Хопр. Окр.) местный „кулак“ Денисов, придя в совет, ранил смертельно ножом в живот секретаря совета, селькора, единственного коммуниста. Расправа — месть за обложение его хозяйства и лишения избирательных прав.

В последнее время особенно участилось появление в газетах сообщений об открытом проявлении активности антисоветских сил.

Из ряда мест идут сообщения об усиленной подготовке антисоветских элементов к перевыборам. Так, состоявшаяся недавно в Тихорецке конференция профсоюзных рабочих — отметила, что кулаки в округе всемерно стремятся перетянуть на свою сторону середняков, что они готовы дать бой блоку бедноты, батрачества и середняков, чтобы провести на выборах своих сторонников в советы и сорвать советскую политику в станице и селе. (Правда, 266).

Все усилия советских органов пробудить свою общественность пока что слабы. Так, в Черноморском округе отчетные собрания прошли вяло и казенно, с явкой избирателей от 11—18%. То же самое и в Кубанском округе, где состоялось лишь около половины намеченных собраний с явкой 10—15%.

Необходимо напомнить, что на стороне большевиков ряд огромных организационных преимуществ, начиная от „пролетарской диктатуры“ и кончая разнообразными организациями советских прихвостней. Противный лагерь лишен этих преимуществ. А, между тем, ежедневная хроника советских газет пестрит сообщениями о слабой активности, о безразличии, об „ошибках“ в ходе кампании в первом лагере, и о повышенной, „часто преступной“, как называют большевики, активности в лагере втором.

Избирательная кампания нынешнего года имеет специфические, ярко выраженные черты. Их суть — сопротивление антисоветских сил станицы, села и города „социалистическому строительству“.

Выстрелы убийства коммунистов, нож, поджоги это не просто месть, а политическая месть. Она превосходно иллюстрирует „опасность“, которой „не видят плывущие по течению“...

Борьба за влияние в советах.

„Активность северо-кавказского кулака в последнее время сильно возросла. Прижатый к стене во время хлебозаготовительной кампании и кампании по самообложению, лишенный многих преимуществ в период недавно проведенного землеустройства во многих округах края, недовольный сельско-хозяйственным налогом, лишенный всяких политических прав, — кулак пытается отдельными ударами, убийством активных работников дезорганизовать советскую общественность.

Выборы советов еще больше обострили эту борьбу.

„Идеологи“ кулачества так излагают свою программу похода на советы: Если совет будет „нашим“, то и прижимать нас некому.

Особый интерес представляют собой методы работы кулачества, резко отличающийся от системы, которая применялась в прошлом. Раньше кулаки пытались сами пролезть в совет, ныне же они поставили новую цель — проводить в советы подкулачников, т. е., тех советских бедняков и середняков, которые находятся либо в тесных родственных отношениях с кулаками, либо целиком находятся под их влиянием. В Сальском округе кулаки ведут закулисную подготовку, занимаясь индивидуальной обработкой своих приближенных. В Тихорецком районе, на Кубани, кулаки выдвинули кандидатами в совет некоторых бедняков, через которых можно было бы легко действовать.

В казачьих районах Донского округа кулаки-казаки агитируют за „чистопородных казаков бороду имеющих“. В Ставрополье кулаками уже намечены кандидатуры будущих сельсоветов, угодных им.

Вообще, методы, применяемые кулаками, весьма разнообразны. Для того, чтобы иметь возможность прямого воздействия на выборы, кулаки стараются всячески восстановиться в правах голоса. Кое-где это возможно для них обходными путями, там же, где обходная система не может дать эффекта, там кулаки пытаются изменить свою экономическую физиономию в Аксайском районе Донского округа многие из казаков-кулаков распрадают скот и машины, чтобы, заделавшись „середняками“, получить права.

Но главную ставку делают кулаки на избирательные комиссии. Кое-где кулаки действуют открыто и прямо требуют включения в состав избирательных комиссий своих людей, как это имело место в станице Александровской, неподалеку от Ростова. Но большей частью, конечно, действуют кулаки тайно, обходными путями. И в этих случаях им удается провести в избират. комиссии своих ярых защитников, среди которых находятся и коммунисты“.

Р. Нюрин. Правда, № 281.

На Кубани.

(Из письма).

... Голод действительно надвигается и скотину прокормить нечем, продадут быка, купят корм, а за месяц другая худоба съест все. Вот и бросают хозяйство и бегут куда попало...

Я знаю таких, которые ушли — оставили скот, снарядами порядочным бедным казакам, а сами пошли на Мугань, в Сибирь — вернемся, мол, отдадите, а нет, так и нет, все равно пропадет.

Мука то у нас давно 8 рублей за пуд перевалила и что дальше будет, не знаем. Деньги наши здорово оплошали, за всякую малость платит в три-пять раз больше ее стоимости; если вдвое — то это уже считается лешево, а есть и такое, что в 7—10 раз дороже, да еще ребра тебе переломают в очереди.

Я же говорил, что чувствую себя счастливым, что по старости могу одеваться в обноски, а жить на 6—8 рублей.

Недавно к нам воры забрались в коридор ночью и повыврали посуду; понаделали мы новых замков, крючков, позабывали стекла досками, но... все это самоутешение, лезут к другим, придут к нам и еще раз...

... Хочу спросит у Вас: когда будете праздновать Рождество и день св. Николая, мы то по старому стилю, хоть и ходим по старости в „живцовскую“ церковь — ближе. На весь Екатеринодар то „тихоновская“ только одна — б. монастырь Георгиевский.

А учебные заведения и служащие совсем не будут праздновать — праздники перенесены на 21—22 января, день смерти Ленина; религию ведь у нас совсем за таптывают, очень уж мы умны стали.

И детишек тоже обидели — елочки совсем запретили. В прошлом году хоть и запрещали рубить деревьевца, да в город знакомым станицане потихоньку возили, а теперь никак нельзя — штрафы большие и тюрьмой грозят. Все тоже — антирелигиозное, даже в магазинах запрещено продавать елочные украшения и в витринах выставлять...

Библиография.

Мих. Шолохов. Тихий дон. Роман. Книга I. 463 стр. Изд. „Рабочий“, 1928 г. Ленинград.

В последнее время, среди художественно-литературных названий, все чаще и чаще появляются книги, посвященные казачеству, его давней и недавней истории, быту, мировоззрению и т. д. О казаках стали писать не только в эмиграции, но и в Сов. России.

После исторических романов Чапыгина „Степан Разин“, Наживина „Казак“, повести Мухина-Молотова „Фенькин яр“, и сборника Шолохова „Донские рассказы“, роман „Тихий Дон“, — кажется, уже пятая — шестая книга из жизни казаков, изданная в Сов. России за последнее время.

По художественному достоинству, по интересу для казаков этот, историко-бытовой роман, далеко превосходит все беллетристические вещи из жизни казаков, до сего времени появившиеся.

Автор, видимо, сам казак, с первых же строк, умелым толчком перебрасывает читателя-казака в знакомый, приятный ему казачий быт и природу:

„Мелеховский двор — на самом краю хутора. Ворота со скотинного база ведут на север к Дону. Крутой восьмисажженный спуск между замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег — перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацеланной волнами гальки и дальше — перекипающее под ветром вороненной рябью стремя Дона. На восток — за красноталом гуманных плетней — Гетманский шлях, пыльная проседа, истоптанный конскими копытами бурый, живущий придорожник, часовенька на развилке; за ней — задернутая текущим маревом степь. С юга — меловая хребтина горы. На запад — улица, пронизывающая площадь, бегущая к займищу“.

Так начинается этот роман, и дальше, читатель-казак, как будто, после долгих лет отлучки, входит в старый отцовский дом, одну за другою открывает знакомые, богатые воспоминаниями, комнаты, со знакомым, приятным, родным запахом, с ласкающими взор милыми предметами, слышит ласковый говор родных и видит в окно знакомую пыльную улицу, соседей... В романе хорошо выдержан казачий язык, и для казачьей эмигрантской молодежи он может послужить одним из ценных пособий для знакомства с своим языком, недавно прошедшим бытом и событиями тех дней.

Как на экране, на каждой странице этой книги вы встречаетесь с ярко и метко схваченными бытовыми картинками, со знакомыми хуторами, станицами и жизнью в них.

Типы героев, казаков и казачек, так живы и действительны, что если увидели бы их на улице, кажется, угадали бы.

Сюжет романа таков: молодой казак, выросток, как у нас называют, Григорий Мелехов и соседка, молодая жалмерка Аксинья, влюбляются друг в друга и, сперва скрыто, а потом и открыто, начинают жить. Взбешенный пересудами хуторян Пантелей, отец Григория, крутонравный казак, в жилах которого от родной матери течет турецкая кровь, насех женит сына на Наталии, дочери богатого казака-хуторца Коршунова. Женившись, Григорий бросает Аксинью, которая, несмотря на ежедневные побои вернувшегося мужа, продолжает сохнуть по Григорию. Наконец и Григорий, у которого молодая жена не вызвала любви к себе, чувствует, что не может забыть Аксинью. За сим, Наталия уходит к родителям, а Григория отец выгоняет со двора, который, забрав от мужа Аксинью, бежит из хутора и нанимается в работники в имение казака-генерала, недалеко от хутора.

Пройдя все стадии казачьей жизни, Григорий выходит в полк, в рядах которого участвует в Германской войне и в одной атаке получает шашечную рану в голову.

Аксинья, оставшаяся со своей грудной дочкой у того же генерала, в отсутствии мужа, изменяет ему с сыном хозяина-сотником. Родители Григория все время делают попытку примирить его с Наталией, которую очень любят.

После поправки от ранения, Григорий возвращается в отпуск и, узнав об измене жены, жестоко изби-

вает сотника в поле, а потом и жену и возвращается в родительский дом, в хутор. Там ждет его Наталья, уже вернувшаяся к его родителям после неудачной попытки к самоубийству.

„Ночью Пантелей Прокофьевич, толкая в бок Ильичичу, шептал:

— Глянь потихоньку, вместе легли, али нет?

— Я постелила им на кровати.

— А ты глянь, глянь.

— Ильичична глянула через дверную щель в горницу, вернулась.

— Вместе.

— Ну, слава Богу! слава Богу! — закрестился старик, приподнимаясь на локте, всхлипывая“.

Так кончается книга.

В событиях и персонажах романа много отклонений, что даже не скоро улавливаешь главный ход событий и главных героев, но и эти второстепенности, в свою очередь, так интересны, что они только обогащают роман, увеличивают его художественную ценность.

Говорит ли автор о казачьей свадьбе, сватовстве и гульбищах, дает ли картину сбора в хуторе, выезда казаков в лагерь, описывает ли драку казаков с мужиками на мельнице, или атаку Кузьмы Крючкова на немец, всюду он правдив.

Между прочим, устами казаков, он говорит о том, как казаки сами про себя думают.

Когда, после грандиозной драки казаков и мужиков на мельнице мужики бежали, а казаки собирались догнать их верхами, приходит живущий в хуторе, под видом слесаря, революционер Штокман и, угваривая казаков не преследовать мужиков, говорит, что крестьяне и казаки все русские.

— „Брешешь! — раздельно выговорил Афонька.

— Казаки от русских произошли, знаешь про это?

— А я тебе говорю — казаки от казаков ведутся.

— В старину от помещиков бежали крестьяне, селились на Дону, их то и прозвали казаками.

— Иди ка, ты, милый человек, своим путем, — сжимая запухшие пальцы в кулак, сдержанно-злобно посоветовал Алексей-однорукий.

— Сволочь поселилась!.. Ишь поганка, в мужиков захотел переделать!“ — закричали на агитатора казаки.

Особенно красива и характерна одна из картинок выезда казака в лагерь:

„Придерживая шашку, Петро торопливо сбежал по порожкам, взял из рук Григория поводья. Конь, чуя дорогу, беспокойно переступал, пенил, гоняя во рту мундштук. Поймав ногой стремя, держась за луку, Петро говорил отцу:

— Лысых работой не нури, батя. Заосеняет — продадим. Григорию ить коня справлять. А степную траву, гляди не продавай: в лугу ноне, сам знаешь, какие сена будут“.

Кроме красивых и правдивых бытовых картин, автор передает и интересные душевные переживания героев, напр., Григория по поводу войны и убийств на войне.

Как всякий, пишущий и издающий в СССР, автор, конечно, не мог обойтись без некоторых политических тенденциозностей.

Искусственность таких мест бросается в глаза, и хорошо, что их мало.

В общем, книга читается с напряженным интересом, с поспешностью, так сказать, проглатывается. А прочтешь, начинаешь жалеть, что так скоро кончилась, долго еще держишь, перелистываешь, отыскивая наилучшие места, а их много, они почти всюду.

Да, хороший роман. Казак, прочитавший его, получит большое удовольствие и будет ждать второй книги.

Но мне думается, что если автор, во второй книге, возьмется за описание событий революционных годов, то преподнесет нам немало специфических, осещений, т.-к. уже в этой книге в характере Мити и Елизаветы смутно видны следы будущих комсомольцев.

С. Бальков.

Открыта подписка на 1929 год
на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“ ≡ Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0.75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

Библиотека Вольного Казачества. Кн. 1.

Вышла из печати книжка
И. А. БИЛОГО

„КАЗАЧЬИ ЗЕМЛИ“

Отдельный оттиск исправленных статей из номеров 19—23
журнала „В. К.“, с приложением таблиц и карты Земель
Европейского Казачества.

Ограниченное количество экземпляров поступило в продажу.

Цена 5 к. ч.

Обращаться в редакцию „Вольного Казачества“.